
ВСЁ, ЧТО НУЖНО
ДЛЯ СЧАСТЬЯ
Е.СТАСИНА

Евгения Стасина
Всё, что нужно для счастья

https://litres.ru/74713544

Аннотация

Есть женщины, совершенно не созданные для материнства. Не верите? Взгляните на меня: я Василиса Некрасова - тридцатилетняя карьеристка, переживающая болезненный развод. В моём холодильнике пусто, в квартире творческий беспорядок, и я твёрдо решила ближайшие лет пять обходить загс стороной. Да я с трудом справляюсь с заботой о неугомонной собаке, так о каких детях, вообще, может идти речь? Жаль, что моя сестра, совсем об этом не подумала, и с того момента, как она заявилась на мой порог, покой мне только снится. Теперь на моих плечах забота о пятилетней племяннице, и поиск её блудной мамаши, которую в одиночку мне вряд ли удастся отыскать... Впрочем, один помощник у меня на примете имеется.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Глава 3	33
Глава 4	43
Глава 5	53
Глава 6	62
Глава 7	74
Глава 8	85
Глава 9	94
Глава 10	106
Глава 11	115
Глава 12	125
Глава 13	135
Глава 14	143
Глава 15	150
Конец ознакомительного фрагмента.	158

Глава 1

Вода из крана бежит ледяная. Ледяная и ржавая, в очередной раз напоминая мне, что верить малознакомым людям в моём возрасте уже просто неприлично. Сорок шесть тысяч за квадратный метр, и это в нашей-то богом забытой глубинке! Да я могла отгрохать себе двухэтажный коттедж, а вместо этого уже три минуты стою у раковины в семиметровой кухне, призывая ЖЭК сжалиться над моим пустым желудком. Я же просто хочу чашечку утреннего кофе и пару капель чистой воды для Макса!

Словно почувствовав, что от размышлений о несовершенстве городского водоснабжения все мои мысли свелись к нему, пёс жалобно скулит из прихожей, царапая новую дверь своими нестрижеными когтями. Спрашивается, зачем запиралась, если его завываний я на дух не переношу? Сердце жалостливо сжимается, а ноги уже сами несут меня спасать бедолагу от одиночества.

- Жди, - спасти, спасла, но суровую маску на лицо нацепить не забыла.

С ним иначе нельзя: дашь слабину и будешь минут десять начёсывать его пухлое брюхо. Вон уже виляет хвостом и сверлит меня миндалевидными глазами. И как тут усто-

ишь? Я одинока, а он единственный мужчина, перед которым я хожу нагишом. Единственный, кто терпит мои срывы и вылизывает пятки после тяжёлого трудового дня, ни разу не упрекнув меня в несовершенстве.

Делать нечего: я торопливо закручиваю вентиль и присаживаюсь на корточки перед обаятельным кобелём Джек Рассел терьера. Бракованным кобелём, ведь уши его даже во сне всегда начеку, и как две антенны старательно улавливают сигналы живущей этажом ниже мопсихи. Видите, даже у моего пса с личной жизнью дела обстоят куда радужней. И плевать, что его возлюбленная безобразно толста ... Может, и мне немного занизить планку?

- На, ешь уже. Хоть кто-то из нас останется сытым, - шепчу, обхватив ладонями бело-рыжую морду, и чмокаю прямо во влажный нос.

Корм воняет ужасно, но парню, похоже, нравится. Так и сидим - он с жадностью вылизывает тарелку, а я с завистью наблюдаю за его трапезой. Подхватываю с пола коричневую гранулу и под громкое урчание собственного живота начинаю гадать, чем ему так приглянулся расхваленный ветеринаром холистик. Уверена, что ценой. Такой уж достался мне пёс - дешёвку жрать ни за что не станет.

- Доволен, сытая морда? - когда спустя минуту заметно

повеселевшее животное вытягивается на полу у моих ног, я от безысходности принимаюсь грызть отсыревшее печенье.

Ну никакая из меня хозяйка! Почти год как одна, а ни готовить, ни затаривать морозилку полуфабриками так и не научилась. Овсяные хлопья, которые просто заливаю кипятком, сдобрив ложечкой мёда, и те покупаю через раз.

Права моя подруга - я без мужика загнусь. Это лишь вопрос времени... Только о том, как много его осталось в запасе, прежде чем у меня откроется язва, мне не даёт задуматься пронзительная трель дверного звонка. Надеюсь, это доставщик воды, иначе работу я бессовестно прогуляю: ну куда с такой рожей?

Макс срывается с места первым, громко клацая ногтями по новенькому паркету, а я плетусь следом, расставляя по местам задетые им коробки. Нужно было брать Йорка, так что зря я Ирку не послушала. Ходила бы важная по улицам на своих шпильках и периодически трепала торчащую из сумки пушистую морду. Глядишь, может, и привлекла бы кого. Мужчины же любят таких блондинок? Чтоб ухоженные, женственные и беспомощные до тошноты, а у собаки на голове непременно бантик в цвет хозяйского платья.

А с этим что: кроссовки да спортивный костюм, иначе живой с прогулки ты не вернёшься. Вот и кому понравится тридцатилетняя баба, которую выгуливает бракованный су-

масшедший пёс? Думаю об этом и так и замираю у зеркала. Причесаться, что ли? Вдруг на этот раз мне повезёт, и курьер окажется симпатичным?

Звонок вновь повторяется, правда теперь куда настойчивее, и мысли о расчёске я благоразумно отодвигаю на задний план. Даже в глазок не смотрю, сосредоточившись на действительно важных задачах: замок заедает, и чтобы его открыть, на дверь нужно хорошенечко навалиться, а Макс... Он пёс и попихать его ногой в бок, чтобы не бросился на радостях на гостя, будет нелишним.

- Ну, наконец-то, - правда, открыв дверь, я тут же его отпускаю, во все глаза таращась на визитёров.

Верка! Стоит прямо напротив меня и даже бровью не ведёт на путающуюся под ногами собаку.

- Рот-то закрой, а то сейчас челюсть отвалится! Я тебя всё утро по городу ищу, как только занесло в этот район?

Так, после развода... Как год назад развелась, так и задумалась о переезде. Чтобы как можно реже ходить по тем местам, что ассоциируются у меня с Некрасовым: парк, в котором мы впервые поцеловались; ресторан в двух кварталах от нашего семейного гнёздышка (мы в нем ужинали по субботам); загс, в котором он задурил мне голову, пообещав вер-

ность и любовь до гроба... Господи, нашла время об этом думать!

- Сонька, не стой! Обними тётю Васю! - моя младшая сестра уже расшнуровала грязные кроссовки и теперь заманивает в моё жилище девочку пяти лет.

Её я видела лишь дважды - на выписке из роддома и спустя три дня на перроне вокзала, когда моя дорогая сестрица, обвесившись тяжёлыми котомками, решила вернуться на малую родину. А спустя месяц перебралась в городок в полусутках езды от родительского дома, чтобы уже там осознать, что настоящая жизнь кипит в Москве. Дождалась, когда Соньке исполнился год и умотала в Белокаменную. И видит бог, знать, чем она там занималась я не хочу. Обижена, ведь Верка даже номер сообщить не удосужилась, лишь пару раз ответив на мои сообщения в социальных сетях. В одном рассуждала о том, как лучше лечить мамину подагру, а в другом сухо сообщила, что на её похороны приехать не сможет.

- Тётя Вася, - и вот сейчас та, что даже отдалённо непохожа на врезавшегося в память розовощёкого младенца с большим красным бантом на ажурном одеяле, насмешливо выгибает густую бровь. - У вас имя как у нашего кота!

Кот, кстати, тоже здесь. Его девчонка, согнувшись в три погибели, втаскивает в дом, и слава богу, что не торопится открывать пластмассовую клетку. Потому что Макс хоть и поел, но от такого десерта ни за что не откажется. Нарезает круги, довольно виляя хвостом на неприветливое шипение, и больше не норовит облизать членов моей семьи. Ему теперь кота подавай.

- Обними хоть! Чего стоишь как неродная?

Ответить я не успеваю: Верка выше меня на голову, да и тяжелее раза в полтора. Притягивает к себе, не давая опомниться, и, стиснув в объятиях, похоже, планирует переломать мне кости.

- Постарела-то как, Васька! И тощая, как селёдка! Боже мой, время тебя не щадит!

И это она мне говорит? Невзрачная женщина в драных джинсах и с дурацкой банданой на голове?

- А ты всё так же мила, - вымученно улыбаюсь и похлопываю её по спине, то ли в знак приветствия, то ли умоляя ослабить хватку. - Пусти уже, мне дышать нечем.

- Эх! Как была бесчувственной, такой и осталась. Ладно!

- бьёт в ладоши и принимается отдавать указания. - Сонька, беги в ванную, а ты Васька давай штаны натягивай.

- Зачем это?

- Вещи занести нужно. Я их у консьержки оставила. Некрасов дома? Там шмотья целый воз, без мужика не справимся.

Некрасов... Вот что значит полное отсутствие сестринской связи! С такими темпами ни одна из нас знать не будет, на каком кладбище искать могилку единственного родного человека.

- С Некрасовым у нас всё. Разошлись ещё в прошлом июле.

- Да ты что? - она бледнеет, а я старательно делаю вид, что меня эта тема не трогает. - Насовсем?

Киваю.

- Бедная! Ну, и кто кого бросил?

- Я его, - ему-то жилось неплохо: дома я, пусть и совершенно бесполезная в быту, а за дверями квартиры с десяток

подружек. Кто добровольно от такого отказывается? - И что значит "воз шмотья"? Вы что надолго?

- Конечно! Зря, что ли, пёрлись двое суток на перекладных? С пересадками между прочим! Ладно, сами справимся. На крайняк, консьержку попросим, она вроде ничего, отзывчивая. И закрой уже своего пса, коту освоиться нужно, у него и так стресс. Правда, Васька?

Приехали! Пяти минут в доме не провели, а уже правила устанавливают. Племянница с любопытством осматривает моё жилище, а сестра нагло шарит в шкафу, подбирая подходящие треники для нашего марафонского забега.

- Васька... Что имени другого не нашлось?

- А зачем голову ломать? Типичное, кошачье. Такие подойдут?

Может, и зря я так о ней волновалась. Профиль её мониторила, под снимками комментарии оставляла, а если её активность падала, сгрызала ногти на обеих руках... Пяти минут не прошло, как она вновь ворвалась в мою жизнь, а у меня уже такое чувство, что и не расставались вовсе. Вздыхаю, хватая протянутые мне леггинсы, и покорно натягиваю их на себя. Куда от неё денешься?

- Вперёд. Я на лифте, а ты пешком.

- Это ещё почему?

- Вдруг застрянем? А у нас Сонька одна. Вот что значит не иметь детей! - бросает и из-под бровей поглядывает на меня с укором. Словно продолжение рода, единственная миссия, с которой женщина является на этот свет! - Родила бы, может, и разводиться не пришлось! Мужики алименты платить не любят.

- Думаешь, он к молоденьким студенткам бегал от нерастраченного отцовского потенциала избавляться? Как бы не так, - усмехаюсь и пихаю ступни в растоптанные балетки. Специально их для таких случаев держу: с Иркой в подъезд выбегать, если ей покурить захочется, или среди ночи пса вывести, когда он объестся сметаны.

- Некрасов? Изменял?

- С завидной регулярностью И ты бы знала об этом, если бы изредка заглядывала в мой инстаграм.

Я все совместные фото с ним удалила. Ибо пачкать его предательской физиономией свои альбомы больше не хочу.

Хватит, своё отмучилась.

- Вот только давай без нотаций! Я, между прочим, одна дочь поднимаю. Кручусь как белка в колесе: дом, детский сад, работа, кружок. Кот ещё этот постоянно убегает, - сестра нетерпеливо прокручивает ключ в замке, но спустя пару неудачных попыток, наконец, освобождает мне место. - Думаешь, у меня жизнь малина? Держи карман шире! В Столице с нормальными мужиками дела обстоят ещё хуже: либо редкостный мерзавец, либо гей. О, или, вообще, женатый! Кстати, Некрасов себе кого-нибудь нашёл? Или как ты ограничился собакой?

- А я почём знаю? Хоть слона завёл, меня теперь это не волнует.

- Неужели разлюбила?

- Как раз в процессе. Так что давай сменим тему? О себе, что ли, расскажи...

- А чего рассказывать? Сонька! Иди мать поцелуй! - кричит и девочка тут же выбегает в прихожую. Виснет на материнской шее и кивает чему-то, что она шепчет ей на ухо. - Вот моё единственное достижение. А больше хвастаться нечем. Я одинока, но в отличие от тебя, хотя бы не выгляжу

на полтинник.

Я б поспорила... Но сделаем ей поблажку - человек только с поезда сошёл. Выхожу в подъезд и сама жму на кнопку, чтоб долго у лифта не топтаться. Верка же копуша, всё с Сонькой никак не расстанется. Словно ни на минуту уходит, а на всю жизнь.

- Люблю её, - просто пожимает плечами на мой насмешливый взгляд, а когда створки лифта раскрываются, нагло отпихивает меня к лестнице. - Я не шутила. Ты пешком. Если спустишься первая, можешь не ждать - моё барахло ты сразу заметишь.

***

Верка не обманула: с водопроводом и отоплением в доме, может, и есть проблемы, но консьержка действительно имеется. Правда, до этого дня я даже не подозревала, что сухонькая, намарафеченная дама с закрученной в гульку косой, непрочь перекинуться парой слов.

Когда я оставляю позади с десяток лестничных пролётов, моя младшая сестра уже вовсю обсуждает с ней премудрости домашней косметологии. Диктует состав угольной маски, которую год назад так рьяно рекламировали в интернете.

- Желатин?

- Ага. Главное, не переборщить и не накладывать на лицо, пока не остынет, - Верка с видом умудрённого знанием и опытом профессора вскидывает вверх указательный палец. - И разводите в молоке, лично мне так больше понравилось. Ну, наконец-то! Шустрее ногами передвигать не пробовала?

- Вот сама бы и шла пешком, - дочка, вообще-то, не моя, и если кому и следить за ней, так это матери, пока медлительные лифтёры будут извлекать меня из кабинки. - Это всё твоё?

Впрочем, может не отвечать. Дом сдали не так давно, месяца три назад, но большинство жильцов заехали в первую же неделю. И знаете, даже у них барахла было меньше! Книги, в большинстве своём детские, три мусорных пакета с мягкими игрушками, коробок пять с неизвестным содержимым и три большие спортивные сумки, видимо, с вещами. Она что, решила у меня поселиться с концами?!

- Как вы это допёрли?

- Грузчиков к поезду наняла. И лучше кончай болтать, и помоги мне затащить это в лифт. Только поаккуратней с этой коробкой! - визжит, а я от ужаса едва не роняю её на пол. - Там мамин хрусталь, Васька! Я когда в Москву уезжала, она мне его как приданное сунула.

А мне комплект постельного белья на свадьбу подарила. Вульгарно-красного, с плохо отпечатанными розами на узкой простыне. Даже немного обидно, знаете ли!

- И с этой поосторожней, там Сонькины поделки из пластилина!

- Их-то зачем взяли? - искренне удивляюсь такой глупости, но делаю, как велят: аккуратно ставлю в угол просторной кабинки картонный короб из-под дешёвой водки, и иду за следующей партией.

- Сонька их коллекционирует. Решила всех персонажей Лунтика слепить. У тебя, кстати, полки навесные есть? Мне дома пришлось над её кроватью повесить, чтоб всё на виду было.

Вот дурдом. А потом удивляются, почему я детей не хочу! Да чтобы не превращать квартиру в музей посредственного детского творчества! Я молчу, а сестра беспечно пожимает плечами.

- Ну, ничего, купим. Кстати, Антонина, Васька моя мужиков часто водит?

- Ни разу не видела, - консьержка улыбается, а я мрачнею, ведь смотрит пенсионерка на меня с явным сочувствием. - Только с Максом гуляет.

- С Максом?

- Это мой пёс, - утираю взмокший лоб ладошкой и делаю вид, что пытаюсь взгромоздить один из её баулов на уже составленные в рядок сумки. Я что ей грузчик?

- Пёс... Ну ты даёшь, сеструха! Сама облезлого пса в честь бывшего мужа назвала, а меня из-за кота стыдишь!

- Потому что Некрасов заслужил, а я к тебе всегда была добра. Вот когда ты Сонькой забеременела, кто весь удар на себя взял?

- Нашла что вспомнить. Меня бы и так не прибили, так что сильно не важничай. Всё, - Верка отряхивает ладошки и рукой указывает мне на лифт. - Теперь ты как белый человек езжай, а я пешочком пройдусь.

Ну, слава богу! А то после таких вот нагрузок я точно до работы не дойду. А мне ещё на окраину города пилить, брать интервью у директора местного детского дома! И думаете, редакция на такси раскошелится? Как бы не так!

Оставляю двух сплетниц в парадной и уже тянусь к нужной кнопке, прикидывая, как в нынешних условиях за час успеть собраться. Это же очередь в ванную, не прекращаемая болтовня обо всём на свете, Веркины дурацкие шуточки о моей несостоятельности в семейной жизни. Ещё и пса вывести нужно, пока он не загадил мой дорогой паркет...

- Васька, - да только сестра так не вовремя ногу вперёд выставляет и не даёт сомкнуться дверям. - Ты мне ещё спасибо скажешь!

- За что?

- За Соньку! А то живёшь, как старая дева, разве что без котов!

Уже говорю: "Спасибо", ведь кот у меня теперь тоже в наличии имеется. Ещё и тёзка, чем не повод для счастья?

- Сумку давай, - устало вздыхаю, кивая на небольшую котомку, свисающую с сестринского плеча, и протягиваю руку ладошкой вверх.

- Эту я сама... Езжай, Васёк, - Верка отказывается от помощи и смотрит на меня так странно, внимательно, с тоской,

что ли. Аж мурашки по спине бегут! - Я скучала, правда.

- И я, - улыбаюсь, но пол подо мной подпрыгивает, и набитая чужими вещами кабинка уже мчится вверх, унося с собой и моё признание. Не страшно, у нас столько времени впереди, чтобы о многом поговорить...

Глава 2

Я уже дважды перевешиваюсь через перила, ожидая увидеть Верку, неторопливо перебирающую ногами ступеньки. Даже щурюсь, хотя со зрением у меня никаких проблем нет. Да только ни топота, ни шороха болоньевой куртки, в которой она заявилась на мой порог, в этой тишине не раздаётся. Неужели, с Антониной до сих пор болтает?

- Я есть хочу, - ещё и племянница эта! Заладила как попугай, усевшись аккурат на мамин сервиз. Хорошо что лёгонькая, а то Верка нас обоих линчует. - Теть Вась, вы же меня покормите?

- Обязательно. Сейчас только вещи затащу, - я сдаюсь и раздосадованная оставляю свой наблюдательный пункт, теперь с ужасом взирая на девчачьи пожитки.

Знать бы ещё куда всё это пристроить! И так не квартира, а склад, в котором мешки с теплоном соседствуют с моим неразобранным барахлом.

Ну кто так делает? Нет, чтобы позвонить, я б хоть немного с ремонтом поторопилась! А то ни мебели толком нет, ни телевизора, чтобы ребёнка на мультики отвлечь. И как только жить будем с одной-то кроватью?

- Бери свой пластилин, раз уж мама твоя помогать не торопится, и в зал неси. И, конечно, - бросаю в детскую спину, почти беззаботно, - обувь снимать необязательно! Я обожаю мыть полы! Ну, Вера... Придёт, я ей покажу кузькину мать!

И лучше пусть уже начинает морально настраиваться - с живой не слезу! Я на работу так опоздаю, пока она мнит себя гуру бюджетной косметологии! Будто Тоня не может в интернете всю информацию отыскать.

- А что такое "покажу кузькину мать"?

- Значит, ругать её буду, - сил у меня почти не осталось, потому последнюю сумку я втаскиваю в квартиру волоком, перевернув при этом переноску с ошалевшим от ужаса котом. Он визжит, а я, рухнув на пол, пытаюсь отдышаться, на чём свет стоит, продолжая ругать Верку за болтливость. Нашла тоже время для бесед! У неё вон, ребёнок скоро в голодный обморок упадёт! Да и я вместе с ней, ведь чёртов доставщик воды где-то без вести затерялся!

Что за день? Знала бы, какой сюрприз мне готовит сегодняшнее утро, не стала б расходовать энергию зря, отчитывая коммунальщиков.

- Ммм, мне мама тоже кузькину мать устраивает. А я Вась-

ке, когда он моим куклам руки грызёт! - девочка садится рядом и заботливо поправляет кошачий дом. - Его уже можно достать? Он, наверное, в туалет хочет...

Господи! Ещё этого мне не хватало!

- А вы догадались его горшок с собой взять?

- Нет, - племянница качает головой, а я хочу закричать:"Почему?". Почему умная двадцатисемилетняя женщина не продумала такой важный пунктик, но приволокла с собой целую гору кривых фигурок из пластилина?! Простите, конечно, но я всё больше убеждаюсь, что часть своих мозгов некоторые женщины оставляют в родильных залах. И моя сестра не исключение!

- Ясно. У меня от Макса вроде остался... - уж впитывающие пеленки, точно где-то да завалялись. - Сонь, ты пока пса в ванной запри, а я лоток поищу.

Команда из нас выходит та ещё: девочка, похоже, впервые имеет дело с Джек Рассел терьером, и прежде чем умудрятся запереть его в ванной, минут пять бегает за сумасшедшим псом по квартире. А я к общему беспорядку добавляю пару раскуроченных коробок, в которых, по идее, должен лежать собачий лоток. Должен, но не лежит...

- Тёть Вась, кот уже на пол пописал! - слышу и выдыхаю - одной проблемой меньше. - Натыкать его мордой?

Ну и нравы...

- Нет, - хоть я такому соседству и не рада, но природный гуманизм верх берёт. Да и я же теперь собачница, а всевозможные статьи криком кричат: насилие недопустимо. Впрочем, может, поэтому Макс у меня такой безбашенный?

- Тёть Вась, вам в дверь стучат!

Ну, наконец-то, нарисовалась! Бегу, позабыв обо всём на свете, и лишь чудом не наступаю на жёлтую лужу, утекающую под мою лучшую пару обуви. Чёртов кот, чтоб он провалился!

- Здрасьте, - и Верка с ним за компанию, ведь вряд ли она бы успела сменить пол за пятнадцать минут.

Долговязый курьер вкатывает в квартиру бутыль, а во мне начинает зреть беспокойство. Странно всё это, даже долгожданная вода больше не радует.

- Так кушать будем? Васька тоже голодный, - и девочка, уж слишком спокойная. Я в её возрасте уже б истерику зака-

тила, оставь меня мама даже на пять минут с малознакомой женщиной. А тот факт, что с родственницей, никакой роли бы не сыграл... Много разве в таком возрасте понимаешь? А эта довольная! В кухню сама идёт, без стеснения в ящики заглядывает...

- На, - кладу перед ней неаппетитное печенье и ставлю чайник на закипание, хватая и сахарницу и пакетированный чай. - Невкусно, конечно, но у меня варенье есть...

- А у нас с поезда бутерброды остались. В моём рюкзаке, - Сонька кивает в сторону прихожей и вполне себе счастливая принимается хрустеть галетами. Прям уникум! Ей за её железные нервы хоть сейчас памятник ставь!

И аппетит отменный, вон, уже пакетом шуршит. Ладно, не плюётся, значит, и такой завтрак сойдёт. Иду за её поклажей и некоторое время раздумываю, можно ли в чужие вещи лезть? Хотя, сама же предложила... Что не удивительно, ведь отыскать хоть что-то среди всевозможного барахла - задача не из лёгких. И на кой чёрт ей сломанный пупс? Или эта вот перемотанная скотчем палочка феи?

- Соня! - кричу, наконец, отыскав отрекламированные ей бутерброды, и жду, когда же она прибежит на мой зов. Потому что сама сдвинуться с места уже не могу.

- Чего?

- Что тебе мама сказала, перед тем как мы за вещами ушли? - сверкаю глазами и дышу так часто, будто на себе шесть этажей все эти баулы тащила.

- Чтоб я вела себя хорошо. А ещё, что будет скучать. И вот, - указывает пальцем на белый конверт с моим именем, что я нашла на дне детской сумки, - сказала письмо вам отдать.

Это плохо. Это ведь очень плохо, верно?

***

Ты только не злись, Васька. Видит Бог, я не хотела вот так... Знаю, что ты не хочешь детей, и что Максим тебя в этом вопросе поддерживает, но мне обратиться больше не к кому. Не к бабе Зое же Соньку везти! Там, в деревне, для ребёнка никаких перспектив. Одни козы да курицы, помнишь ведь, как мы их в детстве гоняли?

Васька, Сонька у меня спокойная, покладистая, никаких хлопот с ней не будет. И игрушки за собой всегда уберёт и даже посуду помоет. Правда, мне всегда после неё перемывать приходится, но это же мелочь... Господи, даже не знаю как теперь буду одна...

Вась, у меня период в жизни сложный, сама не знаю, где окажусь завтра. Было бы всё иначе, разве ж я на такой шаг решилась? Да если бы могла быть уверенной, что чёрная полоса скоро пройдёт, я бы никогда так с дочкой не поступила. Не злись на меня, ладно? Не от хорошей жизни я на такую крайность пошла...

- Тёть Вась, - девочка опять выбегает из кухни, с аппетитом уминая заветренный бутерброд, и ссорит крошками на и без того грязный пол. А мне вот теперь кусок в горло не полезет...

Прячу за спину Веркино письмо и жду, что же на этот раз племяннице от меня нужно? Ещё чаю?

- Тёть Вась, так папка мой где?

- Кто? - даже головой мотаю, пытаясь понять, не послышалось ли?

- Папка. Мама сказала, вы меня с ним познакомите.

Я? Я даже не знаю, кто он! Мы с мамой в своё время на Петьку грешили, он двумя этажами ниже жил и вечно за сестрой моей увивался, но Вера категорически отказывалась его отцовство признавать. Месяце на шестом мне по секрету призналась, что папа у малышки другой, но без подроб-

ностей всяких, поверхностно . Мол, экватор с одногруппниками праздновали, всей толпой в клуб пошли, а там текила рекой лилась... В общем, ни имени толком не помнит, ни даже как выглядел...

- Студентка же, без вечеринок никак! Вот и перебрала чуток, - оправдывала её про себя и перестала в этом копаться. Какая разница, ну ошиблась. Главное, что на крайние меры не пошла и решила для себя малыша оставить.

А тут такое заявление! Где я его искать должна? В местных кабаках у всех подряд интересоваться, не тискали ли они миловидную шатенку лет шесть назад в кабинке грязного туалета? Бред же!

- Сонь...

- Ну, ладно. Потом давайте, когда я доем. Только платье я сама выберу, чтоб папе понравиться. Мы с мамой специально новое купили! И завяжите мне бантики!

Ну, Вера! Жду, пока две жиденькие косички сбегут обратно к столу, и вновь вонзаюсь взглядом в сестринские каракули. Подложила же мне свинью! И кота, который прыгает мне на колени, урча, как старый холодильник "Саратов".

Не от хорошей жизни я на такую крайность пошла - собственную дочку на родню повесить. И сердце кровью обливается, как представлю, что она без меня... Но я и тебя знаю, Вась, ты справишься. И если всё для меня кончится плохо, вырастишь из неё хорошего человека.

Что значит плохо? Столько лет ни слуху ни духу, и первое, что она делает, заявившись ко мне, сбегает, оставляя такие вот странные послания? Чтоб я спать не могла, гадая, в какую передрягу попала её пухлая задница! И ребёнок... Что я с ребёнком делать буду? Я пса воспитать не могу, а тут человек! Маленький, которого, между прочим, нужно кормить, одевать, и учить чему-то... Не печенье же ей лопать до совершеннолетия!

Вася, а теперь к главному. Я эту тайну в себе шесть лет ношу, не знаю как признаться... Духу не хватает, вот и сбежала от вас подальше. В общем, Сонька у меня не от Петьки Санникова, так что зря мама его столько лет чихвостила. Мы и не целовались ни разу, откуда ж ребёнку взяться? А отца её ты хорошо знаешь. Пожалуй, лучше всех на этом свете. От Макса она...

Руки у меня леденеют. Даже образ валяющейся в канаве Верки из головы улетучивается. И лист этот валится прямиком на кота Василия, который в панике тут же спрыгивает с

моих рук и прячется за одну их коробок. Кажется, с сервизом...

Господи, что значит от Макса?

Не веришь, я доказать могу. У неё на правой лопатке...

Теперь я лист бросаю добровольно. Срываюсь с места, так и не дочитав до конца, и бегу к Соньке, немного напугав её своим появлением. Без лишних слов обхожу обеденный стол и задираю розовую футболку, под громкие возгласы недовольной племянницы. Она, кажется, колбасу с бутерброда уронила...

- Вы чего?

- Ничего, - шепчу непослушными губами и пялюсь на родимое пятнышко. Оно на пятачок похоже: небольшое, овальное, а в самом центре две тёмные точки... У моего бывшего мужа один в один такое же...

- Тёть Вась, у вас болит что-то? - девочка поправляет футболку и испуганно на меня косится. Как тут не испугаться, если я побелела, как эта керамическая чашка в её руках, да ещё и слёзы по щекам текут?

- Давайте, доктору позвоним? Я номер знаю. У вас телефон есть? А, ладно! Я свой возьму, мне мама старый отдала!

И вправду мобильник достаёт, простенький. Но вызвать скорую я ей не даю. Они от таких ударов судьбы не лечат...

- Нет. Просто не выспалась... Сонь, ты тут сама ладно? Чай наливай, если добавки захочешь. А я с собакой погуляю...

И убегаю. Только влезая ногой в левый кроссовок, осознаю, что пса я благополучно забыла. Хватаю рулетку трясущимися руками, не с первого раза зацепив её за ошейник, и в полном тумане выбираюсь в подъезд.

Я к такой правде совсем не готова... Ведь это абсурд, полнейший абсурд, который Верка зачем-то хочет выдать за правду. Чтобы Некрасов с моей сестрой... Думаю об этом, и его последняя любовница в памяти всплывает. Мария, или Марианна, так и не запомнила имени. Зато запомнила вишенку, набитую на её заднице...

Господи, а может, и мог... Он всё что двигалось в койку тащил. И вновь я слёзы по щекам размазываю, даже консьержки не постеснявшись.

- Антонина, а сестра моя...

- Так с полчаса, как ушла. Сказала, на поезд опаздывает. А вы племянницу к себе на лето взяли?

Я киваю, а женщина меня расхваливать принимается. Мол, вот что значит настоящая семья! Знала бы она, насколько крепкая... Вон, как оказалось, даже мужиков и тех из руки в руки передаём...

Сажусь на мокрую от дождя скамейку и вновь из куртки письмо достаю. Больно читать, но выбора же у меня нет...

У неё на правой лопатке пятно родимое. Увидишь, поймёшь. Вась, ты прости. И за ложь, и за Соньку... Я потому и уехала, боялась, что правда наружу всплывёт. Ты же его так любила! В дом привела с родителями знакомить, а у меня всё внутри заледенело, ведь такое только в фильмах бывает... Впервые в жизни спуталась с незнакомцем, и вон как. Не узнал он меня, и к лучшему. Надеюсь, простит, что столько лет дочь от него скрывала, и станет для неё хорошим отцом. Вы берегите Соньку, Вась. Мне, кроме вас, её доверить некому. А там... Может и обойдётся. Увидимся и втроём поговорим.

Твоя Вера.

P.S. В одной из коробок Сонькины документы. В них найдёшь блокнот с хомяком на обложке. Прочти! Это важно!

Отлично. Макс наложил кучу посреди тротуара, а значит я могу вернуться домой. Только как себя заставить подняться? Ведь я не имею ни малейшего понятия, что мне теперь со всем этим делать...

Глава 3

- Уволю! Ты, Некрасова, совсем оборзела? Мало того, что задержалась на час, так ещё и с ребёнком заявилась! У нас что здесь детский сад? - Анатолий Никифорович, или Толик, как мы зовём его за спиной, швыряет в меня смятый листок. Обычно мне удаётся увернуться, но сегодня я в плохой форме, а потому забракованная начальником статья попадает мне прямиком в лоб. - Ты для стенгазеты, что ли, пишешь? У нас солидное издание, как я такое в печать пущу?

Солидное издание, ага, сейчас! Газетёнка, с тиражом в три с половиной тысячи экземпляров, и добрая половина из них идёт на растопку гаражных печей.

- Что это за хрень? Кто ж станет читать про какой-то шахматный турнир?

- А других в городе не проходит...

- Да что ты? А в "Вестнике" на прошлой неделе про конкурс красоты писали! Вот, - тычет пальцем в чёрно-белые снимки на шестой странице конкурентного издания, - а ты говорила их у нас тоже нет...

Докопался... Там и не конкурс вовсе. Так, три местные клуши в безвкусных платьях по школьной сцене прошлись, а раздули целое шоу! Да и вообще, мне не до этого сейчас! У меня катастрофа! Мир рушится по кирпичикам, и если я как можно скорее не найду Верку, под грудой кирпичной крошки и помру.

За Соней станется, она весь дом до основания разнесёт! Спокойная, ага, сейчас! С матерью, может быть, а вот меня даже слушать не стала, когда я ей сотню аргументов привела, чтоб утопающее в рюшах платье оставить дома. Разревелась, наконец, вспомнив, что на материнском плече обиды переживаются легче, и так быстро убегала из зала, что добрую половину коробок снесла. Я их минут двадцать складывала, под её вой: "Хочу к маме"!

- Проворонила, признаюсь. Но про шахматные турниры тоже должен кто-то писать.

Не всех же только голые коленки интересуют. Кстати, мне ещё Соньке колготки застирать нужно. А то пока мы к редакции бежали, она прямо в лужу упала. А потом опять плакала минуты три, ведь новенькое платье тоже пострадало.

Вот почему детям стоит прислушиваться к взрослым! А некоторым взрослым не стоит рожать, потому что отстирывать от одежды пятна в полевых условиях я не умею! Да, на кой чёрт мне эти заботы?!

- Бездарность ты, Некрасова! Ладно, давай сюда свою писанину, один хрен что-то печатать нужно. И интервью с Довлатовой чтоб к завтрашнему утру было готово! Мы его на первую полосу пустим.

- Будет сделано, - соглашаюсь, не имея ни малейшего представления, как всё успею, и, наконец, выхожу от главного. Иду прямиком к своему столу, вымученно улыбаясь на понимающие взгляды коллег. И Соне улыбаюсь, ей и так досталось: мать усвистала в неизвестном направлении, банты съехали с макушки, ведь руки у меня растут не из того места, а обедает она вредным хот-догом. Детям же можно хот-доги?

- Старый хрен, - сажусь на краешек Ириного стола и устало растираю виски. - Что делать-то? Я ни в жизнь материалы не обработаю...

- Всё так плохо, да? - подруга косится на мою племянницу и сочувственно пожимает мою коленку. - Ну хочешь, я за тебя напишу? Ты, главное, в детский дом съезди и интервью возьми. Меня этот лысый чёрт ни за что не отпустит, пока я с рекламой не разберусь.

- Хочу! Ира, спасай! Я тебе всё на почту скину, ладно? - оживляюсь, подрываясь с заваленного конфетными фанти-

ками стола, и складываю руки домиком. - Ты меня очень выручишь!

- Ладно, уж. Только если что не так, меня не вини. Неспроста же Толик мне статьи не поручает.

Да к чёрту Толика! И репутацию к чёрту! Мне сейчас о другом думать нужно: впереди целый час в компании с суровой директоршей детского приюта, а после... А о том, что ждёт меня после, даже думать не хочу, слишком уж рана кровоточит.

- Сонька, - командую перемазавшейся майонезом девчонке, чтоб она поскорее собиралась, и наспех закидываю в сумку всё необходимое.

- А колготки? - возмущается она, пока я тащу её за руку по коридору. - К папе в таких нельзя. Вдруг не захочет такую дочку?

- Захочет, иначе ему придётся иметь дело со мной!

Хотя, кого я обманываю? Всё равно от моей расправы Некрасову не убежать. У меня руки так и чешутся приложиться к его наглой роже. Он на святое покусился - на мои чувства к родной сестре, а такое просто не забывается! Даже

беседуя с вполне себе доброжелательной директрисой, только о своей мести и думаю. Что сначала предпринять: голову ему открутить или оторвать самое ценное? Чтоб больше не звенел ими на всю округу?

- А здесь у нас детки помладше. Вот Лидочка, ей четыре, - женщина подзывает к нам симпатичную малышку в красивом сарафане и сажает её к себе на колени. - Лидочка у нас уже год.

Бедная...

- Мать лишили родительских прав. Видите, - её рука скользит по детскому плечику, отодвигая края футболки, и обводит указательным пальцем три одинаковых рубца. - Сигареты об неё тушила, паскуда. Господи, вы ведь там всё подкорректируете?

- Конечно, - киваю, ничуть не виня Татьяну Викторовну за веское словцо, но в блокноте делаю пометку: "Ира, паскуду убирай". - Скажите, а как давно вы здесь работаете?

- Без малого двадцать лет.

- Тяжело, наверное, ежедневно видеть такое?

- Не без этого. Когда только сюда пришла педагогом, меня уверяли, что с годами проще станет. Мол, ко всему человек привыкает. А я так и не научилась. Это же дети... Иной раз, как новенькие поступят, весь вечер дома реву. Да и здесь реву, вместе с ними.

- А как, вообще, ребёнок попадает в ваш детский дом?

- Как? Да как и везде. Груднички-отказники сначала в доме малютки живут. Ну как дом? Дом это громко сказано - пятый этаж роддома. Там их какое-то время медсёстры выхаживают, а потом перевозят в соседний город. А уж когда подрастут, если в семью не забирают, уже сюда.

- А семьи? - сглатываю ком в горле, краем глаза взглянув на притихшую племянницу. - Матери, например. Бывает, что они сами сюда детей сдают?

- Нечасто, но пару раз на моей памяти было.

Значит, вот оно как...

- Сдают, а потом пороги обивают. А вообще, здесь в основном полные сироты при живых родителях. Ближайшим родственникам до них никакого дела нет, вот государство и растит.

Интересно, если б не было меня, Верка смогла бы так? Сюда отдать, пока свои проблемы не утрясёт? Вряд ли... Хотя, здесь о детях всяко лучше меня позаботятся. И оденут, и обуют, и тарелку супа нальют... Господи! Даже думать о подобном не смей, Василиса! Найду Верку и голову оторву! Выключаю диктофон и прячу его в куртку.

- Татьяна Викторовна, может, вам что-то необходимо? Я об этом в статье напишу, глядишь и откликнется кто?

- Нужно, - Лидочку спускает с колен, а в руки берёт сложенный вдвое тетрадный листик, что прятала в кармане. - Я как чувствовала, набросала. Вот, к примеру, кровати. В некоторых комнатах их ещё с советских времён не меняли. Пружины торчат, детям в бока впиваются.

Так и пишу: кровати.

- Матрасы, это само собой. С игрушками, слава богу, всё хорошо, но они же имеют свойство ломаться. Вот в прошлом месяце нам молодые мамочки города помогли, памперсы принесли.

- Памперсы?

- Да, детки-то разные. Кто-то уже из ползунков вырос, а до сих пор писается. Так с этим и боремся. Пелёнки опять же, впитывающие. Постельному тоже рады будем. Государство, конечно, бюджет выделяет, но вы же знаете, что депутаты всех проблем предусмотреть не могут. Канцтовары: пластилин, краски, фломастеры, ручки...

Господи. Я тут уже пятьдесят минут сижу, и с такими темпами просижу ещё столько же!

- Знаете, - обрываю женщину, не забывая улыбнуться, и, заложив блокнот ручкой, наконец, его закрываю. - Вы мне список свой дайте, а дальше уж я сама.

А то я от приезда племянницы до сих пор под впечатлением, а тут вон сколько детей. Глаза грустные, носы грязные... Хоть и самой садись, да слезами умывайся. Понарожают, а потом вон, их дети никому не нужные в поисках материнской любви к Татьяне Викторовне жмутся.

- Тёть Вась, - Сонька после такого зрелища тоже поникла. Вцепилась в рукав моей куртки и торопливо семенит ногами, с трудом подстраиваясь под мои шаги.

- Чего? - останавливаюсь на крыльце и заглядываю в свежее детское личико. Кудряшки растрепались и теперь торчат

в разные стороны. Причесать бы её.

- А это садик такой?

- Вроде того, - щёлкаю на фотоаппарат старое мрачное здание, а девочка рядом со мной стоит и распушившуюся косичку на палец накручивает. - Только они здесь целыми днями.

- Их вечером домой не забирают?

- Нет, - что поделать, им повезло меньше. Или просто мамки не такие находчивые, и на порог родне своих отпрысков подбросить не догадались.

Вот ведь умора: столько лет восхищалась Вериной самостоятельностью и любовью к дочке, чьими фотками она заполонила свои социальные сети, а это, оказывается, лишь ширма была. Кукушка Верка, самая настоящая!

- Тёть Вась?

- Чего? - вздыхаю, всерьёз озадачившись вопросом, под каким углом лучше этот сарай снимать, а ребёнок настойчиво меня за рукав дёргает.

- Ты же меня в такой сад не отдашь? - глаза грустные, а

губы дрожат. Господи, отмотайте плёнку назад и запретите мне открывать сестре дверь! Я хочу свою жизнь, и переживать я хочу лишь о ржавой воде...

Глава 4

Я не знаю, нужно ли вам подробно о Максиме рассказывать? Не о том, который бракованный кобель, а о том, в чью честь я этого кобеля назвала. Просто в двух словах и не опишешь... Ладно. В общем, он моя первая настоящая любовь. Первая и единственная, но это пока, ведь надежды на обретение женского счастья я не теряю.

Мы на концерте познакомились, в местном ДК. На мне тогда платье такое было... в крупный белый горох. Помню, я ещё воротничок на нем крахмалила. И выглядела я в нём как школьница, причём отличница. Вот поэтому-то Некрасов меня и заметил. На рок-концерте в таком наряде, знаете ли, выделяешься.

Сейчас и не вспомню всех подробностей, но роман у нас закрутился стремительно. Он же обаятельный, зараза. Высокий, на две головы меня выше, подтянутый, разговорчивый... Из недостатков только слабость перед женской юбкой, но о ней я узнала позже.

К чёрту, не время для воспоминаний сейчас. А то увижу его и поплыву. Мы с Соней как раз стоим под дверями его студии. У меня руки трясутся, у Соньки перемазанные грязью коленки - похолодало.

- Я красивая? - спрашивает уже раз седьмой, и я без за-

минки киваю.

Ведь, так оно и есть, даже неряшливый вид общую картину не портит. Сейчас смотрю на неё и Некрасова вижу: глаза его, лоб, волосы, даже ямочки на щеках, когда улыбается. А вот губы и нос Веркины. Интересно, будь у нас совместные дети, тоже походили бы на ангелочков?

- Тёть Вась, идём?

А куда деваться? Это ведь его дочь, и, судя по всему, именно поэтому Вера ко мне и заявилась. Не знала же, что мы как в море корабли разошлись. Опять киваю девчонке и толкаю тяжёлую скрипучую дверь, не сразу привыкая к полумраку. Слышу музыку, щелчки фотоаппарата, какой-то гундёж и противный женский смех, а вот картинка никак перед глазами в кучу не соберётся. Может, и к лучшему? Вдруг непотребствами занимается? Он ведь это любит...

- В пояснице прогнись, - его голос я узнаю сразу. На него у меня специальный радар - сердце, как услышит, так и принимается барабанить. - И за шеей следи. Да, вот так.

- Чего там такое? - шепчет племянница, спрятавшись за моей спиной, а я не знаю, что и ответить. Две девицы в одном белье лежат на двуспальной кровати, а её папочка взобрался на стремянку и пытается нужный ракурс словить. Конечно,

знаю я, куда он на самом деле пялится!

- Макс... - тянет рыженькая, заметив моё появление, но гуру эротических съёмок до неё никакого дела нет. Щёлкает, как из пулемёта строчит, лишь чудом не свернув себе шею в такой неудобной позе.

- Макс! - а вот на мой хорошо поставленный голос реагирует молниеносно. Дёргается от неожиданности и валится на пол вместе со стремянкой. Поделом ему, надеюсь, что-нибудь сломал.

- Какого хрена?

- И я очень рада. Девочки, налейте ребёнку чая, а мы здесь немного побеседуем.

Знать бы ещё как начать. Собеседница из меня та ещё... Ненавижу его всем сердцем, а ладошки всё равно взмокли. Хоть бы растолстел ради приличия, а то осознавать, что ему развод пошёл только на пользу, оказывается, больно. Плечи стали ещё шире, на коже свежий загар, и даже полоска от кольца на безымянном пальце уже сошла. Впрочем, у меня тоже...

- Перекрасилась? - когда пигалицы без лишних вопросов

скрываются с Сонькой в небольшой каморке, завешанной старой шторкой, Некрасов уже сидит на стуле. Вальяжно, закинув чистый (кто бы сомневался) кроссовок на коленку. Сидит и смотрит, даже не подозревая, что через пару минут говорить о моей причёске ему расхочется.

- Зря, тебе не идёт.

- А я твоего мнения не спрашивала, - держу лицо, а саму так и подмывает покоситься в зеркало, что висит на стене чуть левее его головы. Что, правда, так плохо?

- А я всё равно скажу: ты после развода, Василиса, совсем исхудала. Что, так и не научилась пользоваться плитой?

- А ты всё ещё таскаешь в свою постель бестолковых студенток? - ну вот, с потрохами себя сдала. И кто за язык тянул? Нет бы в лоб: так и так, ты чёртов козёл, и я бы с удовольствием закопала тебя на заднем дворе дачного участка...

- Ревнуешь?

- Переживаю. Венерических заболеваний вокруг тьма-тьмущая, а ты мне здоровый нужен.

Сама поднимаю до сих пор лежащую на полу стремянку

и сажусь напротив Некрасова на нижнюю ступеньку. Только бы не свалиться, а то конструкция шаткая...

- В общем, у меня для тебя две новости.

- Надеюсь хорошие?

- Как знать... Начну с первой: ты чёртов бабник, и я проклинаю тот день, когда вышла за тебя замуж.

- А ты стерва, и я буду праздновать день нашего развода до конца своей жизни. А, вообще, это я уже слышал, так что новость неактуальна, - Максим наводит на меня объектив и принимается теперь щёлкать меня, этим лишь больше нервируя. Господи, я уже и забыла об этой его странной привычке. Наверное, потому что все семь толстых альбомов спрятала под кровать - единственную мебель в моей квартире, после шкафа и кухонного гарнитура. Чёрт, мне что теперь с Соней спать? На пол же её не положишь...

- Ну, а вторая какая? - отвлекает меня от мыслей о том, писаются ли дети во сне в таком возрасте, мой бывший муж, который уже подобрался ближе, и берёт меня крупным планом, усевшись на корточки у моих ног.

- Я с первой ещё не закончила. Ты спал с моей сестрой.

Наконец-то, интерес к съёмке Максимом утрачен... Роняет камеру на колени и хлопает своими длинными ресницами. Очень длинными, от них даже тени на щеках...

- Это вопрос или как? Потому что я всерьёз начинаю опасаться за твоё психическое состояние. У тебя нездоровая паранойя...

- А у тебя нездоровая тяга к случайному сексу. И нет, я не спрашиваю. Потому что вот тебе новость номер два: эта девочка, - тычу указательным пальцем на шторку, - ваша с Верой дочь.

Господи! Вот произнесла вслух и поняла, насколько всё в моей жизни ужасно. Ладно б любая другая, у него их столько было, но Верка...

- Ты рехнулась, Вася.

- У неё пятачок! - вскакиваю вслед за супругом и иду за ним по пятам, ещё трижды повторяя факт, от которого не отмахнутся.

- Пятачок? Какой ещё, на хрен, пятачок? Ты совсем уже?

- Этот, - задираю белую футболку, с жадностью проходясь взглядом по знакомым кубикам, и, наплевав на его протест, стягиваю её через голову. Пихаю в спину Некрасова и лишь в паре шагов от зеркала даю своим пальцам немного остыть от близости его кожи. Зря лапала, всё равно не увидит.

- Дай свою камеру, - командую, а он и впрямь считает меня идиоткой. Крутит пальцем у виска, и не торопится выполнять просьбу. - Плевать, повернись, я на телефон сфотографирую.

- Видишь, - качество, конечно, не очень, да и дрожь бьёт, но в целом суть я уловила. - У Сони один в один такое же...

- И? Я родимых пятен на жопе штук двадцать за свою жизнь повидал, так что, это все твои близкие родственники? - его рот искажает недобрая ухмылка, а густая бровь изгибается изящной дугой. - Ты окончательно двинулась, Василиса. И сестра твоя за компанию. Наверное, это какой-то семейный недуг.

Недуг?! Слышу и окончательно срываюсь с катушек! Он, значит, развлекается, не заботясь о предохранении, а как заходит разговор об ответственности, прячет голову в песок?

- Вот же зараза! - хватаю первое, что попадается под руку

- тубус, в котором он хранит свои макеты - и принимаюсь осыпать его голый торс беспорядочными ударами. - Вечно у тебя так: Вася дура, а ты белый и пушистый! Ещё скажи, что верность мне в браке хранил!

- Даже не собираюсь, - уворачивается от очередной порции тумаков и спасается от меня за своим рабочим столом. - Ты же упёртая, как баран! У тебя на всё своя версия!

- Конечно! И шалаву эту с вишенками на заднице я выдумала! - плюю на свидетелей, что наверняка прислушиваются к нашему разговору, и бросаю своё оружие ему в голову. Онлоб трёт , а я от злости пинаю софтбокс*, который лишь чудом не валится на чёртову двуспальную кровать. - Кобель! Как был бабником, так им и помрёшь!

- Не самый худший вариант, между прочим! Уж лучше баб как перчатки менять, чем жить с истеричкой!

- Это я истеричка? Да я до брака с тобой была ангелом!

- Мы на рок-концерте познакомились! Очнись, детка! Ты оделась, как ботаничка, и налакалась водки с Колой, которую пронесла в зал под курткой! - вот же ж... Было, открещиваться не стану! Но я хотя бы помню с кем и когда спала.

- А ты мне пять лет вешал лапшу на уши! "Васёна, я еду снимать свадьбу!" , "Василиса, сегодня задержусь, подвернулась подработка!" А сам? Сам с Вишенками развлекался!

Вот теперь софтбокс падает. Разваливается, осветив мрачную студию последней вспышкой, и мы окончательно погружаемся в темноту. Я тяжело дышу, схватившись за ошалевшее сердце, а бывший муж почти беззвучно куда-то шагает.

- Новый купишь, - зажигает свет и тычет пальцем на поломанное оборудование. - А что касается девочки... Я твою сестру пару раз в жизни видел. И то, уже с пузом. Так что другого дурачка поищите, если, конечно, найдется желающий поверить в эту чушь.

- Чушь? Вот сам ребенку это и скажешь, - одёргиваю сбившуюся на талии куртку и, нервно мазнув по волосам, приглаживаю причёску. - Сонечка! Выйди к нам.

- Совсем уже? Не надо ей никуда выходить, - Максим шипит на меня, спешно натягивая футболку, а я не собираюсь сдаваться. - Что я с ней делать буду?

- Знакомится, для начала. А дальше, как знаешь...

Тем более что девочке явно не терпится. Она выбегает из-за штори, и становится по стойке смирно прямо напротив своего папы. Пигалицы, похоже, поколдовали над её бантиками, курточку сняли и поправили дурацкое платье, в котором не то что к отцу, а к Деду Морозу можно смело идти. Жаль, что фотоаппарат так и лежит на стуле - сними он стоящую перед ним малышку, этот кадр стал бы лучшим в его коллекции... Даже над названием думать не надо - счастье, как оно есть.

**Софтбокс*- одна из разновидностей световых модификаторов; насадка на источник света, предназначенная для создания мягкого рассеянного освещения без резких бликов.

Глава 5

- Правда, папка у меня красивый? - Соня с жадностью вгрызается в сдобную булку и прямо с набитым ртом поёт оды Некрасову. Даже на голодного кота не реагирует, а он уже минуты две трётся о болтающиеся под столом детские ноги.

- И большой такой... Как шкаф! Тёть Вась, а я ему понравилась?

Киваю, совсем неуверенная, что детей можно так нагло обманывать, и подливаю девочке ещё чая. Вот и какая из меня тётка? Вместо горячего вкусного ужина, у нас выпечка из соседней кондитерской. И та сладкая, ведь, как оказалось, рыбники и беляши она даже под дулом пистолета есть отказывается... Не то чтобы я проверяла, ведь никакого пистолета у меня нет, но давила на неё долго, словив при этом несколько осуждающих взглядов стоящих позади покупателей.

- Ой, нужно было его сфотографировать. Чтоб ребятам показать, а то они не верили, что он существует! Будто всю Землю облететь это быстро!

- Землю? - смотрю на неё так же, как мой бывший муж пялился на меня, уверенный, что я тронулась умом, и так и опускаю чашку, не коснувшись её губами. - Какую ещё Землю?

- Так нашу! Ну, тёть, Вась, вы даёте! Он же лётчик! Мне мама говорила! Что папа полетел в кругосветное путешествие, а так как планета у нас большая, он на мои утренники приходить не может! А теперь вернулся и хочет со мной познакомиться! Только я не поняла, зачем он тогда этих тётенек фотографировал. И почему они не в костюмах? У проводниц в самолётах разве не должно быть костюмов?

А Верка-то не лыком шита! Ей бы сказки писать, глядишь, прославилась бы!

- В самолётах стюардессы. А форму они, наверное, стирают. Столько лет в воздухе как-никак, испачкались. Сонь, - протягиваю девочке салфетку и принимаюсь убирать со стола, - нам уже спать пора. Ты там зубы почисти, лицо умой...

Дети ведь это определённо делают. Познать все прелести материнства к тридцати мне не довелось, но я же не пещерный человек!

- Хорошо. А купаться будем? Я все волосы в повидле ис-

пачкала, - малышка спрыгивает со стула и довольная собой демонстрирует мне слипшийся на кончике хвост. Принесла же нелёгкая Верку на мой порог!

И почему у нас в семье нет кучи родственников? Уж лучше целый час подписывать открытки для многочисленной родни на праздники, чем оказаться единственной, на кого можно повесить ребёнка! Хорошо хоть не младенец, а то подгузники менять куда ответственнее...

- Будем. А ты, кстати, сама моешься? - не такая уже и маленькая! Ходит на унитаз, вон, посуду моет, если сестра, конечно, не обманула. А за ней станется, Верка ещё та затейница, такую легенду выдумала!

- Сама, - Соня гордо кивает, но прежде, чем я успеваю выдохнуть, поясняет. - Только волосы мне мама мылит. И мочалкой тело трёт. А купаюсь сама...

Да что ты? Выхожу вслед за девчонкой из кухни и закрываю дверь, не позволяя коту увязаться за нами. А то Макс уже начеку, недаром паркет царапал, пока мы ужинали - подкоп рыл, наивно веря, что пролезет в щель.

Итак, я женщина. И пусть детей мне бог не дал, материнский инстинкт в каждой есть. Осталось только его пробу-

дить... Ласково глажу малышку по голове, а когда она отворачивается и усаживается на пол у одной из коробок, вытираю ладонь о домашние штаны - макушка у неё тоже в повидле. А значит, купания не избежать.

- Ты пока поиграй, а я ванну помою, - и наберу, я в детстве только так и мылась. Вместе с Верой, которая постоянно отбирала у меня игрушки.

- Мне с пеной! - слышу и, уставшая донельзя, клятвенно обещаю её желание выполнить. Знать бы ещё, почему всё это должна делать именно я? Когда в пятнадцати минутах езды, её папаша преспокойненько разглядывает полуголых позирующих моделей?

- Козёл, и Верка козлиха, - тру так, чтоб ни один микроб на дне не уцелел, и беззвучно глотаю слёзы. Не смогу. Хоть режьте меня: ни простить их, ни понять никогда не смогу. Не после того, как одна усвистала, не забыв черкануть парочку строк, а второй и двух слов не сказал, как статуя замерев посреди студии. Только кивал, как болванчик, пока Сонька ему всякую ерунду рассказывала.

- Не моя она! Я твою сестру видел-то пару раз, - схватил меня за руку, когда мы, наконец, решили покинуть его публичный дом, и белый как полотно, бегал глазами по моему

лицу. Поддержки искал, что ли?

- Урод ты, Некрасов, - а когда не нашёл, так и остался глядеть нам в спину. Надеюсь, рыжая его утешила...

- Вот, - слёзы мне приходится спешно утереть, ведь племянница, как приведение, внезапно прокрадывается в ванную. - Я своих уток нашла и куклу Марину. Вы мне ложку чайную дадите?

- Зачем это? - высмаркиваюсь прямо в полотенце для лица, а ребёнок уже бросает в воду своё богатство.

- Марину кашей кормить!

- Ну, если Марину кормить, конечно. Сама залезешь?

- Да.

Дожила... Позабыв о коте, толкаю кухонную дверь, а неугомонный пёс только этого и ждал. Виляет хвостом, радостно лая на забравшегося на подоконник гостя, и теперь вовсю старается ухватить его за болтающийся хвост. Ещё этого мне не хватало!

- Макс! - на пса кричу, а вместо него реагирует Вася: спры-

гивает на стол, смахивая с него остатки недоеденной Соней булочки, и со всех лап мчится прочь от преследователя.

- Тёть Вась, ложку!

- Мяу, - поддерживает племянницу кот, и через мгновение что-то с пронзительным лязгом валится на пол в зале...

- Ложку мне-е-е! - только хочу побежать в гостиную, да только кукла Марина сейчас важнее. Хватаю грязную со стола - Сонька отмоет, не зря же её мать так расхваливала - и сначала забегаю в ванную, где девочка уже плещется в пене. Отдаю без лишних слов, разворачиваюсь на пятках, а животные уже тут: Вася забился в угол и шипит во всю мощь своих лёгких, а пёс радостно вокруг него прыгает, наверняка предвкушая поздний сытный ужин...

Это дурдом, и будем честными, здоровому человеку в таком учреждении не место. А я здоровая: с первым встречным не сплю, от кого попало не рожаю. И детей не бросаю... Наоборот, чужих рощу уже целые сутки!

- Макс, идиот! - хватаю бедолагу за ошейник и волоком тащу в кухню, тут же отрезая его от перепуганного бедолаги дверью. А что булка на полу валяется, так это приятный бонус. Не умрёт же пёс от пары сдобных крошек?

- Тёть Вась, а воду как включать?

Я закатываю глаза к потолку и прежде чем отправиться на подмогу ребёнку, в отходящего от шока кота бросаю тапкой - он внаглую на мои кроссовки испражняется! Вера век не расплатится...

- Смотрите, сейчас пены ещё больше будет! - конечно, я за этот шампунь семьсот рублей отдала... - Вы воду включите?

Нет.

- Конечно, - говорю вместо этого, совершенно спокойная, на первый взгляд, и с дурацкой улыбкой на губах забираю у Сони профессиональное средство. Сэкономила, называется... Теперь либо новый шампунь покупать, либо опять на парикмахерскую тратиться.

- Давай сразу тебя намылю? - отыскав в её вещах мочалку, капаю гель на жёлтую рукавичку-цыпленка, и пока она катает по волнам горемычную Марину, то и дело окуная куклу лицом в тёплую воду, заботливо натираю детскую спину. Точнее, тру, правую лопатку, надеясь, что чёртов пятачок растечётся и сгинет в белой пене...

Ну, ведь нельзя исключать вероятность, что сестра меня

надула? Может, выдумала всю эту историю, чтоб Некрасов не возмущался из-за внезапно свалившейся нам на голову малышки? Может... Но мне и тут не везёт: родимое пятно до сих пор красуется на светлой коже.

- Какая у вас постель большая, - спустя двадцать минут, девочка в позе морской звезды валится на кровать и блаженно потягивается, подминая под себя мою единственную подушку. А я впервые радуюсь, что и впрямь - ипподром. При всём желании ночью не встретимся! - А Ваську можно с собой взять?

- Мы, вообще-то, с Максом спим... - а он с Васькой не уживётся, как пить дать. Видимо, вселенная так распорядилась - Васьки с Максами редко общий язык находят. - Так что пусть дальше на подоконнике валяется. Ему вроде нравится.

- Жалко... Тогда чур я с собакой обнимаюсь! - командует, и сгребает утихомирившееся животное в свои объятия. А я не против, главное, чтоб ко мне не лезла. Я всех этих телячьих нежностей жуть как боюсь.

Сюсюкаться с детьми тоже надо уметь, а я не привыкла ещё: головой понимаю - родная кровь, а слёзы на глаза вовсе не от умиления наворачиваются. Ладно, высплюсь и проще станет. Глядишь и выход найду на светлую-то голову!

- А! - да только с этим электровеником разве поспишь? Срывается с места и прыгая, как слон, убегает из спальни, а через минуту возвращается с толстой книжкой под мышкой. Этому дню просто не видно конца!

- Вот. Мы с мамой здесь остановились, - сейчас она особенно на Верку похожа. Пальцем тычет на нужную страницу и, натянув одеяло до подбородка, крепко жмурится, делая вид, что спит. - Всё, я готова слушать. Ой, тёть Вась!

- Чего?

- А там кто-то коробку уронил и мамины чашки разбились. Не страшно?

- Нет, - качаю головой, совсем позабыв, что сражения четвероногих монстров не проходят бесследно, и, смирившись со своей участью, принимаюсь за чтение.

Что мне этот сервиз, пусть и семейный? Семьи-то и нет больше. Её, в отличие от чашек, никаким клеем не склеешь...

Глава 6

Обычно меня будит пёс. Или будильник, тут последовательность не так важна. Всё равно разница между пронзительной трелью одного и шершавым языком другого, больше пары минут не составляет. А сегодня... Кто-то так настойчиво долбит в дверь, что даже терьер испуганно прячется под одеяло, не решаясь комментировать это вторжение.

Я не сразу понимаю, почему мне так тяжело дышать, но нащупав детскую ногу на своей груди, мгновенно вспоминаю вчерашние события. Потому и выбираюсь из постели пулей, уверенная, что это Вера. Дрогнуло её сердце, ведь не совсем же она пропащая! Помыкалась сутки, обмозговала и в пять утра пришла своё возвращать!

Бегом мчу в прихожую и от нетерпения так сильно наваливаюсь на дверь, что плечо ощутимо простреливает. К чёрту боль, это самая малая плата за моё скорое освобождение. Раз прокручиваю ключ в замке, второй, и даже умудряюсь растянуть губы в улыбке... Правда, сходит она с лица мгновенно, едва мои голые ноги обдувает прохладным подъездным воздухом.

- Васён, - муж. Бывший. Собственной персоной.

Я хватаю с вешалки плащ, ведь стоять перед ним в безвкусной сорочке последнее, чего мне сейчас хотелось, а он упирается лбом в свежую штукатурку. И качается на ватных ногах...

- Тошно мне.

- Наверное, съел что-то не то, - выдаю насмешливо, выразительно поглядывая на початую бутылку в его руке, и удивлённо ойкаю, когда он нагло проходит внутрь, пихая мне в лицо свою ветровку. Чего они все удумали? Ходят сюда, как к себе домой!

- Нет, Вась, не в виски дело... У меня память на лица хорошая. Я всех помню, Вась, всех! - мужчина садится на один из Сонькиных баулов и тычет пальцем в свой лоб. - Ни разу в жизни меня башка не подвела. А тут дыра...

Ну, прям трагедия! Нашёл тоже повод для пьянки!

- В общем, я всю ночь в компьютере рылся. У меня же целый архив, я все фотки храню, - сообщает, будто я не знаю, что он на этой теме повёрнут, и начинает ощупывать свою футболку, видимо, в поисках кармана... Сколько он вылакал? - Куртку дай!

Я противится не решаюсь. Да и как себе в удовольствие отказать? Сворачиваю ветровку в клубок и швыряю прямиком в наглую пьяную рожу нерадивого папаши, совсем не ожидавшего от меня такой подлости. Ничего, пусть почувствует себя на моём месте: я к человеческой подлости никогда подготовиться не успевала!

Некрасов, пошатнувшись, заваливается на всё ту же горемычную сумку, а я с гордым видом неспешно вышагиваю по направлению к кухне. Раз уж поднял в такую рань, хоть воду пропущу.

- Васька! Говорю же, я с камерой с восемнадцати лет. Везде снимал: в вузе, в клубах, в общаге. И вот, - я только кран успеваю открыть, а Максим уже суёт мне под нос какой-то снимок. - Твоя сестра?

Я вытираю руки полотенцем. Неторопливо... Они уже и сухие совсем, но укорачивать Некрасовскую агонию не в моих интересах. Это не он читал Григория Остера, с трудом фокусируя глаза на пляшущих перед взором буквах. Не он потом полночи крутился с боку на бок, пытаясь найти хоть какую-то лазейку из полной задницы, в которую меня загнала сестрица. Он пил! А я медленно умирала, переживая двойное предательство под мирное сопение железобетонного до-

казательства, что уж эту измену я точно не выдумала.

- Верка, - когда дышать его перегаром становится совсем невмоготу, я всё-таки отвечаю. Даже снимок беру, улыбаясь её непосредственности: короткая джинсовая юбка, чёрная футболка, заканчивающаяся чуть ниже пупка, и всё бы ничего, если б не ярко-жёлтые капроновые колготки. Да и причёска оставляет желать лучшего - видимо, экватор она отметила жаркими танцами.

- Правда? Вот же пиз... - заканчивает он своё предложение отборным матом, а я потуже затягиваю пояс плаща, и, сложив руки на груди, подвожу итог:

- Значит, было.

Не зря родинка не хотела утекать в канализацию. Гены, к сожалению, мочалкой не подчистишь.

- А хрен знает. Я тогда так надрался. Вот, - бросает мне вторую фотку, и я понимающе хмыкаю. - Уснул прямо в клубе. Мы у Васьки Смолина день рождения праздновали, он меня и сфоткал. Чёрт, может, хрень всё это? А если хрень, то на кой чёрт твоей Верке такое выдумывать?

- Хрень... Хрень - это твой образ жизни, Максим. Наш

брак, твои обещания, наши планы - вот это хрень. А твоя история с Веркой называется иначе. БЕЗОТВЕТСТВЕННОСТЬ!

Причём в классическом её проявлении: переспать не поймми с кем, а потом удивлённо хлопать глазами - от случайного секса дети, оказывается, тоже рождаются! И где только была моя голова, когда я с таким вот фруктом связывала свою жизнь?

- Вась, чего делать-то?

Да я-то откуда знаю?! Я что на учебник по психологии похожа или на социального работника?

- На путь исправления становись. Вон, - киваю на стенку, за которой мой бестолковый пёс сторожит сон маленькой девочки, и обречённо вздохнув, закрываю вентиль. Вода так и бежит грязная, Максим так и стоит, прожигая во мне дыру. - Занимайся теперь воспитанием, раз у Верки свободного времени нет. Ты столько лет пропустил, многое придётся навёрстывать.

- А сколько ей? - Некрасов ставит пузатую бутылку на столешницу и усевшись на стул, с силой сжимает свои виски.

- В ноябре шесть исполнится, - по-моему. Число не скажу, ведь тётка из меня вышла неказистая, но точно помню, что на выписку больничный двор первый снег припорошил.

- Значит, пять... Чёрт, сходится всё... У Смолина четырнадцатого февраля день рождения. Чёрт!

- Стол мой не ломай, - бью его по рукам, скрученным в жгут полотенцем, а он нет, чтобы извиниться за несдержанность, ведь прямо кулаком по столешнице рубанул, руки свои устраивает на моей талии. Лбом упирается в мой живот и, шумно вздохнув, выдаёт:

- Чего только не бывает в жизни... Вась, обиделась на меня?

Ещё спрашивает? Коленки против воли подкашиваются, но так как в моей крови виски не гуляет, разум всё-таки берёт верх. Отталкиваю бывшего супруга, и словно он успел перемазать мой плащ грязью, нервно отряхиваю талию.

- Да как я могу? Подумаешь, с сестрой моей переспал? Это же вполне нормальное явление, да?

- Ещё слово своё любимое употреби: изменил. Вообще-то, формально я чист: мы с тобой в апреле сошлись, - а в июне

уже свадьбу сыграли. Люди пальцем у виска крутили, а мы друг от друга отлипнуть не могли. Разве есть какие-то чёткие временные рамки, разрешающие людям семьи создавать? - Так что и тут мимо: измены не было.

- Не было? - губу закусываю, ведь мне на эти формальности начихать - душа-то ноет - и не зная, куда себя деть, принимаюсь расставлять стулья. - В тот раз, может, и нет, а за пять лет брака ты много чего успел.

- Тебя послушать, так я только и делаю, что баб нагибаю.

- А тебя послушать, так ты прям монах! Ещё немного воздержания и можно смело церковный сан принимать! - от злости мои щёки идут пятнами. Дышу тяжело, уставившись на непрошенного гостя, и даже не думаю одёргивать пса, который, наконец, покинул своё укрытие. Тоже мне защитник! Нет, чтобы куснуть за ногу моего обидчика! Так нет, целоваться к своему тёзке лезет!

- С тобой невозможно общаться...

- Значит, не стоило приходить! Ты чего ждал? Что я разрешу тебе поплакать на моём плече? Нет уж, ищи другую жилетку.

- Жилетку, - Макс хмыкает, пройдясь взором по синему плащу, и вновь опускается на сиденье. Ещё и терьера моего берёт. - Я, вообще, не к тебе пришёл. Сестру зови, нам с ней есть что обсудить.

Вон оно как. Для этого бутылку притараканил? Думал, за рюмкой родительские вопросы решить?

- Не могу, - а вот не выйдет. Иначе я бы даже не сунулась в его студию. Слишком уж много плохих воспоминаний: полумрак, диванчик, накрытый морковным пледом, и красные ногти, впивающиеся в ритмично двигающиеся ягодицы моего на тот момент законного супруга. - Нет её. У неё, видите ли, проблемы и не до детей сейчас...

- То есть? Как нет?

- Тебе нужно с алкоголем завязывать, - глаза закатываю на его непонятливость и отбираю животное, устроившееся на его коленях. - Сбежала. Письмо оставила, дочь бросила, и была такова. Думаешь, я по доброте душевной Соне экскурсии по городу устраиваю? Конечно! Делать мне больше нечего! У меня, между прочим, и своих проблем хватает.

Так что раз уж мы со всем разобрались, почему бы Максиму её не забрать? Он ведь по всем пунктам меня обходит:

дома порядок, в холодильнике - первое, второе и третье (при желании и компот сварит), Соньке он страсть, как понравился... Да и, вообще, отец же! Пусть и гулящий, но девочке об этой его особенности знать необязательно.

- Так что... Забирай дочку.

- Я?

- А кто? Ты же по туалетам скачешь, вот и разбирайся! Тем более что Соня пять лет ждала, когда твоё кругосветное путешествие к концу подойдёт. А я, так и быть, готова с ней по субботам в парке гулять.

Все тётки так делают, чем я хуже? К тому же, парк в нашем захолустье вполне себе ничего. С московскими, конечно, не сравнится, но для разнообразия сойдёт.

- Я не могу!

- А я могу? Такие вы с Веркой простые, что у меня просто слов нет! Вон, - Максима-собаку, развалившегося на полу, пихаю в бок, и складываю руки на груди, - мне есть за кем следить.

- Нельзя так, Вась... Да это же...

Некрасов оттягивает волосы на затылке и мгновенно трезвеет. Прям вижу, как на него накатывает осознание.

- Да, вообще, это ещё доказать нужно. Где гарантии, что твоя сестра в этот день только со мной... того?

Того... Прям скромник, куда деваться! Так культурно Веру шалавой назвал...

- Поосторожней, понял? А то я эту бутылку тебе об голову разобью!

- А что не так? Я же не силой её брал. В общем, - Некрасов встаёт, а пёс принимается радостно хвостом вилять. Чёрт, его же ещё на улицу выводить! И кота этого, будь он неладен, не мешало бы уже покормить! А то на одном молоке долго не протянет...

- В общем, Вась, экспертизу делать будем.

- Да тут и без экспертизы все факты налицо - она твоя копия! И родинка...

- Да забудь ты про эту родинку! Говорю, пока бумагу не увижу, я в это верить отказываюсь. Так что давай иди, волос

у неё с головы вырви или что-то там в таких случаях на исследование берут?

- Волос? - белею, отчего-то представив, как вцепляюсь в детский хвостик мёртвой хваткой, и сажусь напротив. - Ничего я рвать не буду. И без Веркиного согласия тебе ни один суд не позволит ДНК тест провести!

- Значит, в частную лабораторию пойду. А если что, к дядьке за помощью обращусь. Он же судья, не откажет. Тащи, Вася. С расчёски её сними, да побольше, чтоб уж наверняка. И перчатки надень...

- Где я перчатки возьму? У меня что здесь аптека?

- Значит, пакет на руки натяни. Почему тебя всему учить нужно? Иди уже! А я тут пока посижу.

Господи, хренова Санта-Барбара. Но уж лучше так, чем бездействовать и бегать за ним по пятам, читая нотации. Я вот в их родстве ни на мгновение не сомневаюсь, пусть и больно осознавать, что сестра столько лет хранила молчание. Словно я зверь какой! Поплакала бы, попереживала, но наверняка поняла бы. Со временем.

Мышкой прокрадываюсь в спальню и, включив на теле-

фоне фонарик, исследую Сонину подушку. Везёт мне - один светленький волосок беззаботно свисает с наволочки... Только хватит ли одного?

Дожила, твою мать! Как преступница какая-то биоматериалы краду! Нервно передёргиваю плечами, когда малышка переворачивается и занимает мою половину, и решаю ещё и расчёску её прихватить. Для верности. Там уж точно волос предостаточно.

- У тебя что, вообще, пожрать нечего? Ну ты даёшь, Вась! - возвращаюсь в кухню, а Некрасов уже нагло шарит по моему пустому холодильнику! - Он у тебя для красоты, что ли?

- Дома пожрёшь! - дверцу закрываю, ничуть не смутившись своей никчёмности - уж он-то знает меня, как облупленную - и пихаю ему в руку всё необходимое. Не уверена, что так можно отцовство установить, но попытка не пытка.

- И вали уже, пока Соня не проснулась.

С неё предательств точно достаточно: сначала мать, теперь ещё и Максим... Ведь ещё неизвестно, что хуже: не знать своего папу или видеть, как он отказывается тебя признавать.

Глава 7

- Смотрите, как я умею! - сегодня на улице солнечно и мы с Соней устроились на лавочке во дворе. Она выполняет какие-то нелепые акробатические этюды, а я улыбаюсь как дурочка, восторженно выкрикивая: " Как же здорово!"

А что в этом хорошего так и не поняла! Десять минут любуюсь тем, как она то задерёт ногу, то неуклюже прыгнет вперёд, при этом отсвечивая, как медный пятак, и никак не нахожу ответ: чем же тут восхищаться? Другие мамочки вон делают это вполне искренне, а у меня щёки болят от неестественной улыбки!

Впрочем, ответ на поверхности - то мамочки, а я жертва обстоятельств. Причём невинная, и отыгрываются на мне все кому не лень: с утра Некрасов, нагрянувший с первыми петухами; потом кот Василий, расцарапавший мне правую ногу за то, что я чуть на него не села, а час назад Толик... И вот последний орал неистово, размахивая перед моим лицом Ириной статьёй.

- Что за хрень?! Что за хрень, я тебя спрашиваю?! Вместо тебя что эта девчонка с косичками статью писала? - ревел и всё указывал на Соню пальцем. Она как раз с Ирой чаёвничала, усевшись за мой рабочий стол. - Люди должны сопере-

живать, а тут какой-то каламбур! И что значит паскуда? Понятие цензура тебе, вообще, знакомо?

Мне да, а вот моей подруге, видимо, нет. Даже пометка в блокноте не помогла, а я ведь её специально красным маркером выделила...

- Чёрт, я же ей блокнот не давала! - бью себя по лбу, отвлекаясь от детской самодеятельности и, наплевав на окружающих, рычу в голос, сползая как можно ниже по скамейке. Ну что за невезуха по всем фронтам? Осталось ещё работы лишиться, и можно смело ставить на себе крест!

- Тёть Вась, а мы сегодня к папе пойдём? - ещё и племянница в сотый раз лезет ко мне с этим вопросом.

Ну что я скажу? "Прости милая, но твой папа слепой болван и никак не может поверить в очевидное?" Нет уж. Я, может, и не состоялась как женщина, но в отличие от её родителей, хотя бы не утратила человечность:

- Не получится. Он в Африку улетел, спасать амурских тигров, - а что тигры в Африке не водятся, она наверняка не знает...

- Как? Они же там не живут!

Ну, Вера! Обязательно делать из единственной дочери вундеркинда?

- Потому и спасает. Они случайно туда забежали, а обратную дорогу найти не могут. Вот твоего папу и отправили в срочном порядке на их поиски. Пока они на солнце не перегрелись.

Вроде поверила. Кивает на мои слова и подхватывает с земли фрисби, переключая всё своё внимание на заскучавшего пса. Она (опять же неуклюже) подкидывает в воздух диск, а я устало растираю веки. Со всеми этими проблемами даже накрасится не успела. И выспаться, ведь два с половиной часа явно здоровым сном не назовёшь! Так, подремала в перерывах между тягостными мыслями о свалившихся на меня бедах, а стоило закрыть дверь за Некрасовым и вовсе, променяла отдых на изматывающую тело истерику.

- Сидишь? - приоткрываю один глаз, вздрогнув от внезапного вопроса, и в неверии пялюсь на подсевшего ко мне человека.

- Папа?! - и Сонька вместе со мной.

Даже про бедного пса забывает, и он расстроенно выплёвывает снаряд, так и не дождавшись от неё похвалы. Смотрит на нас своими карими глазами и, не найдя для себя ничего

интересного, отправляется ловить голубей. Счастливый! Вот бы и мне вскочить с этой лавки и убежать куда глаза глядят, оставив позади эту обузу в виде бывшего мужа и его незаконнорождённой наследницы.

- Папка! - у Некрасова с лица краска сходит, когда истосковавшаяся по нему малышка виснет на его шее, а я прямо приободряюсь от такого зрелища - не всё же мне одной бледнеть, присматривая за чужим отпрыском. Так что, пожалуй, с побегом немного повременю.

Я сажусь поудобнее, забрасываю ногу на ногу, и с садистской улыбкой на губах наблюдаю за крупной мужской ладонью, неуверенно похлопывающей детскую спину. А бывший муж на меня с надеждой косится, пусть и понимает, что я не стану вырывать племянницу из таких долгожданных объятий. Она заслужила. Да и он тоже.

- Пап, а тигры как же?

- Сами спаслись, - встреваю в их разговор, а то вся легенда насмарку, и достаю из сумки бутылку воды.

Жарко сегодня, однако. Или в Максиме дело? Надушился моими любимыми духами, надел рубашку с коротким рукавом и теперь трётся бицепсом о моё плечо... Места ему, что ли, мало?

- Ну и хорошо! А то я боялась, что ты опять надолго! Папа, смотри, как я умею! - девочка отпрыгивает назад и вновь принимается махать своими тощими ножками. А я слежу за реакцией её папаши. И нет, он на тех мамочек, что гуляют на детской площадке со своими карапузами, совсем непохож.

- Здорово, - выдавливает из себя, совершенно потерянный, и вот тут-то мы с ним сравниваем счёты. Видимо, поэтому так долго и продержались вместе - не умеем ни умиляться, ни хотя бы делать вид, что дети - это цветы жизни.

- Что, экспертизу уже провели? - когда малышка вновь вспоминает про терьера, я, наконец, решаюсь заговорить.

Не просто же так он заявился. Ещё и пакет какой-то приволок... Большой, но мысль о подарке для новоиспечённой дочери я благоразумно отодвигаю на задний план. Мне же объяснили доходчиво - без бумажки его к ней благосклонности можно не ждать.

- Нет. Сказали от двух до пяти дней. И не факт, что образцы для исследования подойдут.

- Тогда чего припёрся?

- Девочку жалко, - он цепляет на глаза солнечные очки и,

думая, что я не замечаю, украдкой косится на Соню.

Миленькая она, знаю. Платье же я выбирала, а что косички кривые, так это по неопытности. Научусь... Господи, не дай бог.

- Ты ведь её голодом заморишь.

- А тебе-то что? Верка же шалава, какая разница, что с её девочкой будет? Она себе новую родит.

- Не утрируй, ладно? Вдруг моя? Сама говоришь, пятачок...

- А ты с утра уверял, что это не аргумент. Неужели, протрезвел?

- Как видишь. И тебе бы успокоиться не мешало. Ведь, Вась, ничего криминального я не совершил: мало ли что у меня в прошлом было. Мне теперь что каждой на слово верить, когда она мне под нос будет своих детей пихать? Так что вот, - наконец-то отодвигается и ставит между нами свою поклажу. - В термосе суп, в контейнерах второе. Книгу ещё кулинарную сунул, ты же электронную литературу не приемлешь.

Смотрите, какой заботливый! Все-то он обо мне знает! И суп наверняка сварил куриный, с мелкой вермишелью... Он

меня часто им баловал.

- Как мило. Нянечку туда не положил? - заглядываю внутрь, сглатывая слюну от вида своих любимых котлеток, а муж тихонько усмехается. - Вижу, не положил. А зря. Нянечка не помешает, потому что помимо еды ей ещё и забота нужна.

Сама она свои платья не погладит, косы не заплетёт и ногти (даже вспоминать не хочу, с каким ужасом я их сегодня ей укорачивала), к сожалению, подстричь не в силах. Тут просто необходим опытный ответственный человек, а я даже с большой натяжкой на эту роль не гожусь.

- А ты вроде неплохо справляешься, но если моё отцовство подтвердится, так и быть, няньку подберём. Я же не снимаю с себя ответственности...

- Что значит "подберём"? Хочешь сказать, я и дальше должна буду с ней жить?

- Ну не себе же мне её забирать. Я юридически ей никто, и пока твоя сестра не объявится, вписать меня в свидетельство не получится, - он спокоен, как удав, а я белая как полотно.

- Должна же быть какая-то лазейка? Обратись в суд...

- И пока Веру будет искать полиция, девочка отправится в детский дом. Ты ведь не официальный опекун, а мать вроде как без вести пропала, - произносит будничным тоном и отбирает у меня бутылку. В руках её крутит, пока я сижу пришибленная таким известием, а через мгновение прикладывается к отпечатку моего блеска на горлышке своими губами. Нужно сказать что-то, возмутится, а я на его кадык пялюсь - как он подпрыгивает с каждым его глотком... Господи, Василиса!

- Знаешь что? - подскакиваю со скамейки и тычу пальцем в смазливую свежую рожу, в которой нет и намёка на похмелье. - В печёнках вы у меня сидите! И ты, и Верка твоя!

- Почему моя? Ещё ничего не доказано. И если рассуждать логически, окажись отцом кто-то другой, она всё равно привезла бы Соню тебе. Ты же тётка...

- Тётка! А не мать! Чуешь разницу? И лучше бы она и вправду родила от кого-то другого! Я бы его хотя бы не знала, а так... Сама мысль, что я должна играть в дочки-матери, пока ты прохлаждаешься, меня просто невыносимо злит! Соня! Макс! - кричу, хватая свои покупки и Некрасовскую провизию, и нетерпеливо топаю ногой, чтобы моя новоиспечённая семейка поторопилась. Пёс летит со всех лап, высу-

нув из пасти язык, а присмиревшая племянница с опаской поглядывает на отца.

К чёрту такого папашу! И мамашу к чёрту! Больше ни минуты о них думать не хочу! Накормлю противного рыжего кота, налью ребёнку горячего супа и лягу спать, пока она возится со своей Мариной. Иначе свихнусь! А эти горе-родители... Пусть только попробуют пролезть со своими проблемами в мои сны!

- Макс? Ты его Максом назвала? - бывший супруг встаёт следом и идёт с нами к подъезду, будто его кто-то приглашал! Ещё и возмущается, посмотрите! Сам обрюхатил мою сестру, а тут на тебе - пёс ему мой не угодил!

- Назвала! А теперь жалею, один чёрт тыкать его носом в мочу нельзя!

Видите ли, нужно игнорировать, чтоб психику животному не испортить... С Максимами всегда так - они наворотят делов, а ты должна разгребать!

- Хорошая штука, Вась. Пожалуй, кошку заведу и назову в честь тебя. У кошек с лужами отношения не такие напряжённые.

Он придерживает дверь, ожидая, пока его предполагаемое продолжение пройдёт в парадную, а я едва стою на ногах - до того пакеты тяжёлые.

- Давай сюда!

- Сама донесу, - отмахиваюсь от его руки, а он беспечно пожимает плечами и, обезоружив консьержку улыбкой, бредёт к кабинке лифта. Он что, домой ко мне собрался? Боится, что мне не хватит ума еду разогреть?

- Здравствуйте, Василиса, - я возмущённо хватаю воздух губами, а любопытная Антонина уже высовывается в окошко, опытным взглядом оценивая моего бывшего мужа. Со знанием дела кивает и воспользовавшись моментом, демонстрирует мне вздёрнутый вверх большой палец... с ума старуха сошла!

- Папа, ты с нами останешься? - и Сонька с ней за компанию! Ещё пусть кровать ему предложит!

- Нет, - выдаю безапелляционно и, составив пакеты на кафельный пол, расставляю все точки над і с Антониной: подношу ко рту два пальца и как ребёнок, высовываю язык. Пусть знает, насколько он мне отвратителен.

- Почему нет? Я бы ему свои фигурки показала?

- И вправду, Вась? Я хочу посмотреть, - соглашается папаша и вместе с моими пакетами проходит в лифт. - Да и пора бы уже поговорить по-взрослому. Без этих твоих истерик. Едешь?

А у меня есть выбор?

Глава 8

Вообще, квартира у меня просторная. Двушка, пятьдесят четыре квадрата. С кухней, конечно, не повезло, зато прихожая большая...

Только вот, стоит нам переступить порог дома, и я даже в ней нахожу огрехи - Некрасов, кажется, занял собой всё свободное пространство. Он везде: в воздухе витает аромат его духов, тишину нарушает шуршание его пакета, а сердце колотится быстро-быстро от надсадной мысли: "Какого чёрта он вновь ворвался в мою жизнь?" Я его гнала, гнала, а он как таракан - даже ядерную войну переживёт.

- Тебя слишком много, - дёргаю его за рубашку, когда он порывается пройти в зал, и, удостоверившись, что Соня нас не услышит, утягиваю обратно в коридор. - Ты в своём уме? Сначала отказываешься её принимать, а потом мозолишь глаза своей рожей!

- Лицом, Вася. Воспитанные женщины так не выражаются.

- Да мне плевать! Всё! Передал свою стряпни и вали на все четыре стороны! Нечего теперь ходить сюда, как к себе домой!

Потому что это моя территория, а захватчиков мне и без Максима хватает. Итак не спальня, а детская игровая комната! А дальше что? Отдам ему гостиную, а сама переберусь в ванную? Потому что он и кухню заграбастает, чтоб свои супчики варить...

- Я же помочь хочу. Ты пять минут назад жаловалась, что загибаешься без няньки. Так чем я плох? Видишь, - трясёт пакетом со своими дарами и так знакомо играет бровями, - я тебе пригожусь, Васёна. Где у тебя микроволновка?

Отлично. Я развелась, обзавелась собственной жилплощадью, нашла постоянную работу, а в итоге... сижу за столом напротив бывшего мужа, а по правую руку от меня пятилетняя девочка крошит корочку белого хлеба в бульон. Странный у меня вышел побег с идущей ко дну лодки...

- Ты пробовала искать... - Максим косится на ребёнка и, нахмурившись, на мгновение замолкает. - Пробовала её искать?

Похоже, он решил, что имя Вера у нас под запретом. Истерик опасается? Так зря, Соня какая-то пуленепробиваемая. О матери не говорит и на брошенную малышку совсем непохожа. Словно это и впрямь небольшие каникулы, в которых

просто не может быть места для печали. Впрочем, маленькая ещё, вдруг не осознала?

- Пробовала. Хотела написать ей в социальных сетях, но ты не поверишь, - склоняюсь над своей тарелкой с залитыми молоком хлопьями, и перехожу на заговорщический шёпот, - она отовсюду удалилась! Неожиданно, правда?

- А родственники?

- Чем ты занимался пять лет? Мне кажется, этого времени должно было хватить, чтобы запомнить - после смерти мамы никого у нас не осталось. Баба Зоя не в счёт, - её Некрасов уж точно помнит. Мы три года подряд ездили к ней в деревню: я отсыпаться, а он снимать красочные пейзажи. Везло, кстати, только ему, потому что с баб Зоей об отдыхе до обеда можно и не мечтать.

- У неё подруга была, то ли Алиса, то ли Анжела... - бросаю ложку в пиалу, с завистью глянув на Сонькин суп, - но у меня её контактов нет. Так что ни адреса, ни телефона мы Веркиного не узнаем. Ничего не узнаем, понимаешь?

Только если к гадалке какой обращаться, но я же реалистка и тратиться на шарлатанов не в моих правилах. Откидываюсь на спинку стула и, стянув с хвоста резинку, принима-

юсь массировать голову, запустив пальцы в отяжелевшие от зноя волосы.

- Я просто не понимаю, что мне теперь делать. Что делать нам... Это же не игрушка, - перевожу взгляд на племянницу и еле держусь, чтобы не разрыдаться. - Она ведь поймёт, Максим. Не сегодня, так завтра. Захочет домой, а я даже не представляю, где этот дом находится.

Зря я от супа отказалась, ещё немного и свалюсь без сил, угодив лицом прямиком в чёртовы хлопья. Всё упёртость моя - когда разбегались, я зареклась ещё хоть раз пробовать Некрасовскую стряпню . Потому что, мне кажется, какая-то часть меня именно из-за этого кулинарного таланта в него и влюбилась. Вы видели его у плиты? То-то же...

- Во-первых, перестань нагнетать. Может быть, она уже через пару дней объявится. Во-вторых, перестань заниматься ерундой и нормально поешь. И тогда, возможно, - он встаёт и, замерев у стола, разминает затёкшую шею, - я подскажу тебе, откуда нужно начинать поиски. Допустим, у меня есть на примете один человек...

- Какой? - я рывком выпрямляюсь, и распущенные волосы безжалостно лупят меня по порозовевшим от волнения щекам. Сдуваю их и даже не думаю перечить, когда пере-

до мной опускается тарелка с горячим. Да если нужно, я на жареных жуков соглашусь и проглочу их без промедления, только пусть не молчит!

- Вкусно? - он ухмыляется, когда я с жадностью вгрызаюсь в котлету, а я киваю, потому что произнести вслух слова похвалы выше моих сил. Это раньше считалось нормой, а в нынешних обстоятельствах - какой-то сюр.

- Не побежала бы разводиться, могла бы их каждый день есть, - ну вот, аппетит испортил.

Вилку кладу, с трудом проглатывая неприлично большой даже для такой невоспитанной женщины кусок, и вытираю ладошки о домашние брюки. Сейчас скажу что-нибудь неприятное...

- Так вот, пока ты не сморозила очередную чушь, я хочу тебе напомнить, - Некрасов обходит стол, стул, на котором сытая Сонька сидит, поджав ноги, и пялится в мультики на моём смартфоне, и наклонившись невыносимо близко к моему уху, шепчет:

- Дети в таком возрасте любого с потрохами сдадут. Даже родную мать.

Вот же ж... Твою дивизию!

- Вот-вот, журналистка хренова, - с пониманием глянув в мои широко распахнутые глаза, Максим пододвигает свой табурет к Сонькиному, переворачивает его, так чтобы устроить локти на спинке, и прежде чем начать свой допрос несколько раз глубоко вздыхает. Господи, и как я сама до этого не додумалась?! Ясно как - я была занята жалостью к самой себе...

- Сонь, так значит, ты любишь лепить?

- Ага, - малышка даже про Лунтика забывает, уставившись на заинтересовавшегося ей отца. А я про себя молю:"Продолжай! К чёрту фигурки из пластилина, к делу переходи!"

- А ещё чем занимаешься? Может, на гимнастику ходишь? Ты же на улице нам показывала...

- Не-а, только на рисование. Правда, мне уже не нравится... О, ещё на танцы ходила! Два раза, но потом мама сказала, что на танцы ходить не получится. Слишком далеко от дома...

- Прям таки далеко?

- Ну да. Там через парк нужно идти, потом ещё на троллейбусе ехать. Ты знаешь что такое троллейбус? - Сонька оживляется, когда Некрасов косит под дурачка и отрицательно качает головой, и принимается его просвещать. - Ну папа, это автобус такой! С рогами! Вот такими...

Господи, мы так до утра до сути не доберёмся!

- Сонь, - а значит, включаться нужно! И сама пододвигаюсь ближе, едва не наехав ножкой стула на пушистый кошачий хвост, но на Васькин недовольный возглас не реагирую. - А может, ты и адрес свой знаешь?

Умная же! Про тигров наслышана, про троллейбусы... А тут всего-то одно название! Ну, пожалуйста...

- Ну да. Я ж не маленькая, вдруг потеряюсь! Меня полицейский найдёт, а куда возвращать будет? - беспечно пожимает плечами и хватает со стола ещё кусочек хлеба. И жуёт так долго, кажется, целую вечность. Мы с Максом не дышим, а она уже и думать о моём вопросе забыла...

- Сонь, и какой у тебя адрес? - первым не выдерживает Некрасов, уже во всю отбивающий пяткой нервный ритм. - Расскажешь мне? Чтобы я в гости мог приезжать?

- Расскажу. Он у меня длинный.

- Длинный?

Что за ерунда?

- Ага, я вечно его забываю, - я холодею, а ребёнок смеётся, будто в этом есть хоть капля чего-то забавного.

Да это же катастрофа! Я вновь откидываюсь на спинку и прячу раздосадованную физиономию под своими ледяными ладошками, а Макс низко склоняет голову и чешет висок. Хоть в этом меня поддержал - расстроился вполне натурально, а план вроде был ничего...

- Мне мама специально в кармашки бумажки кладёт. Я читать не умею, но полицейские же умные!

А вот стоит девочке вновь заговорить, мы с Максимом синхронно открывает рты. Пялимся друг на друга, и поди разбери, отчего так загораются его глаза - от собственного восторга, или просто блеск моих в них так отражается.

Вместе подаёмся вперёд, вместе хватаем малышку за ладошки - он за правую, я за левую - и пока она удивлённо рассматривает нас зелёными глазами, одновременно задаём закономерный вопрос:

- И что, у тебя и сейчас такие бумажки есть?

- Наверно. Я одну в рюкзачок спрятала, в дырочку...

В дырочку, слышали?! Подскакиваю с места и со всех ног бегу в спальню, за розовым рюкзаком с жёлтым смайликом на переднем кармане. А где-то за моей спиной Некрасов неуклюже тормошит волосы на Сонькиной макушке. Правда, недолго, после чего смущённо улыбается, прячет руки в карманы брюк и, не зная, куда спрятаться от неуместного смущения, решает перемыть мою посуду.

Бинго! Я определённо вижу свет в конце туннеля!

Глава 9

Обратно в кухню я возвращаюсь ещё стремительнее, чем из неё убегала. Некрасов помыл-то всего ничего: ложку да пару чашек. Расстелил полотенце, поставил на него кристально чистую посуду и теперь смотрит прямо на меня. А вода льётся...

-Кран закрой, у меня счётчики, - выдаю сердито, но если быть честной, плевать я хотела на квитанции. Ни в деньгах счастье, а вот в этой бумажке, что я прячу в кулаке за спиной, довольно неплохо разыгрывая недовольство.

Вон, Максим поверил - вздохнул, будто я ему уже до тошноты надоела, пробурчал что-то себе под нос и закрутил вентиль, не забыв протереть столешницу от осевших на неё капель. Чистоплюй.

-Та - дам! - я выбрасываю вверх свою руку и принимаюсь кружить по кухне как душевнобольная. Только и знаю, что повторять:"Мы спасены!" и в перерывах между своими возгласами благодарить небеса. Даже Соньку на руки подхватываю, отмечая, что это она только с виду такая тощая. На деле все килограмм двадцать!

-Пап, чего это с тётей Васей? - она смеётся, пока я выпля-

сываю джигу, а мой бывший муж крутит пальцем у виска.

-Рехнулась. Иди, Сонь, в комнату... В игрушки поиграй. А я твоей тёткой займусь.

-Ладно, - девочка соглашается, но с моих рук слезает неохотно. Даже в дверях на какое-то время замирает, получая эстетическое удовольствие от моего сумасшествия. Видимо, такая Вася пришлась ей по вкусу.

-Рано радуешься, - а вот Максим настроен скептически. Ставит чайник на закипание и садится на свой стул, кивком головы советуя и мне приземлится. Чего это он? Сам же подсказал, где искать!

-Это ещё почему? Всё складывается как никогда лучше - у нас есть Верин адрес!

-И с вероятностью в девяносто девять процентов заявляю, она уже давно там не живёт. Четыре дня минимум. Она ведь на поезде сюда ехала?

Я киваю. И заканчиваю улыбаться. И благодарности небесам прекращаются как-то сами собой... Опять лампочку погасили и призрачный свет перестал ласкать стены длиннющего коридора, ведущего меня в неизвестность...

-Как? Макс! - шлёпаю ладошкой по столу, и вилка с насаженной на неё котлетой подпрыгивает в тарелке, тотчас приземляясь на пол. А на полу Васька - голодный и незаслуженно общипанный наехавшей на хвост ножкой стула. Хоть поест, а то ни один из трёх купленных мной кормов он жрать не отважился.

-Что Макс? Я просто хочу, чтобы ты понимала - её там может не быть. Не исключено, что она уже, вообще, в другой стране или залегла на дно где-то у нас под носом. Ты же сама говорила, что у неё проблемы.

-Тогда зачем ты про Соньку подсказал...

-Чтобы хоть с чего-то начать. Только прежде, чем срываться и ехать неизвестно куда, нужно включить голову. А то с тебя станется и ты помчишься в Москву первым же поездом.

- Конечно, помчусь! А что ещё остаётся? Сидеть здесь и вместе с тобой ждать ответов из лаборатории? Нет уж, я пас... Возьму отпуск за свой счёт и поеду к сестре. Иначе свихнусь от этой неизвестности...

-У тебя всегда так - ты сначала делаешь, а потом думаешь.

Не пробовала хотя бы раз разобраться прежде, чем решишься на очередную глупость?

Это на что это...

-Это на что это ты намекаешь? - от возмущения я раздуваю ноздри и бросаю коту ещё одну котлету. Так-то, они только для кошки и сгодятся!

- Ни на что, - пожимает плечами, а глаза так и кричат: "Ты и со мной так развелась! Не разобравшись!". Можно подумать, там было в чём разбираться! Вишенки были вполне себе настоящие: с буферами размера четвёртого и когтями длиннее, чем у моего пса. Что ещё оставалось? Выслушать его сбивчивые объяснения, что мне померещилось, и, вообще, они просто прилегли отдохнуть после многочасовой фотосессии? Ага, сейчас!

- Даже не пытайся меня переубедить. Я всё равно поеду, - упёрто стою на своём и складываю руки на груди. - Только с работой вопрос решу.

- А если твоя Вера вернётся обратно? Заявится, а тебя нет...

- Я Антонине записку оставлю с номером своего телефо-

на... Да, господи, уж лучше так, чем сидеть и гадать, вернётся ли она, вообще!

Для меня эти два дня растянулись в целую вечность, а что будет, если сестра решит вспомнить о своих обязанностях, к примеру, через месяц? Или через год? Я вам скажу - сначала я поседею, а потом умру от стресса в самом расцвете сил.

- Тёть Вась, - я сижу, гоняя по тарелке остывшие макароны, а Соня скромно мнётся в дверях. Ну что ещё? Поворачиваю голову, не в силах произнести ни слова, и молча смотрю на ребёнка, прижимающего к себе голую куклу Марину. - У меня живот болит. Сильно.

Ну вот! Приехали! С такими темпами умру я не одна - утащу с собой бедного ребёнка, о здоровье которого заботиться никогда не научусь. Я пропащая! Себя-то не лечу, куда мне ещё и Соней заниматься?

- Всё из-за супа твоего, - отыгрываюсь на притихшем Максиме и в сотый раз вцепляюсь в свою гриву, кажется, уже дошедшая до нужной кондиции, чтобы начинать рвать волосы на голове. Что теперь делать?

- Суп-то мой причём? Куриный бульон ещё никому не навредил...

- Нет, это из-за булочек. Я после них в туалет сходить не могу.

- Так почему не сказала? - встаю, вновь калеча разлёгшегося у моих ног Василия, и с осуждением поглядываю на Некрасовскую копию. - Тебе язык на что?

- Ну вы же не спрашивали... Тёть Вась, мне мама обычно сироп даёт. У вас есть сироп?

Сироп... Есть белое вино, початая бутылка виски, которую с утра приволок бывший муж, и водка, на случай, если мне всё осточертеет, и я захочу забыться. Она уже полгода стоит запечатанная и, видит бог, если бы не мысли о неминуемом похмелье, я бы давно её приговорила, намешав себе "Русско-американскую дружбу".

- Нет, - причём даже сиропа от кашля. Так откуда в моей аптечке взяться слабительному, если и сама аптечка отсутствует? Наполняю лёгкие до упора и медленно выдыхаю, сложив искусанные губы трубочкой.

- Что делать будем? - на горе-папашу смотрю и вновь повторяю свой ритуал. Он же молчит. Только глаза таращит, разглядывая то меня, то приболевшего ребёнка. И как тут не

психовать?

- Ладно. У меня за углом аптека, - беру себя в руки и лихорадочно соображаю, как поступить дальше. - Ты, - разворачиваю девочку к выходу, и слегка подталкиваю в спину, - иди ложись. И кота с собой забери. А ты, - теперь перевожу своё внимание на Максима, - дуй за лекарствами.

- Я? Я же не знаю, что брать...

- Представляешь, я тоже. Спросишь у кого-нибудь! Объяснишь и фармацевт подскажет. А я пока, - обвожу взглядом кухню и вымученно вздыхаю, - посижу. Мне определённо нужно присесть и обо всем подумать.

За всей этой суматохой я что-то упустила... Что-то важное, что вертится в голове, но никак не хочет заявлять о себе в полный голос.

- Господи, Вера же писала мне про блокнот! - когда из кухни выветривается запах мужского парфюма, а Соня тихонечко, подложив под щеку ладошку, сворачивается калачиком под одеялом, я, наконец, понимаю, где допустила ошибку. Это же человек! И узнать о её здоровье нужно было в первую очередь!

Выдвигаю на середину зала все три Сонькины коробки и принимаюсь суетливо ковыряться в содержимом. Одна до отвала забита детской обувью, в другой чёртов пластилин, который я так и не удосужилась выставить на видное место, а в третьей... Альбомы, просто Сонькины снимки, стопочкой сложенные в мятый целлофановый пакет, какая-то шкатулка, внутри которой я нахожу бирку из роддома и ярко-розовый браслет с Веркиным именем. Всё как положено в нормальных семьях... Ну разве ответственная любящая мать (а судя по привезённому Веркой барахлу, она именно такой и была) станет просто так бросать собственного ребёнка?

Раздумываю над этим с минуту, а стоит наткнуться на папку с необходимыми мне документами, всё больше убеждаюсь, что нет: внутри медицинской карточки и впрямь есть блокнот с хомяком на обложке. И отрубите мне голову, если я не права - Вера подошла ко всему ответственно. Даже рацион для Соньки расписала! Завтрак - каша (овсяная или рисовая), на обед непременно суп (любой, кроме ухи и борща, потому что ребёнок их просто терпеть не может), на ужин плов, котлеты или сосиски, с припиской рядом, чтобы часто её колбасой не кормила - вредно. Целая страница, посвящённая сладостям, из которой я узнаю, что она просто обожает молочные батончики. А в завершение напоминание - раз в полгода посещать стоматолога.

Я готова расплакаться, честно. Во второй раз за сегодняшний день я хочу выть от тоски и страха, но вместо этого трясущимися руками фоткаю перечень необходимых лекарств, которые Вера советует иметь под рукой. Отсылаю снимок Некрасову и подползаю к стене, опиревшись на которую сижу вплоть до его возвращения.

Он проходит в гостиную, не сразу замечает меня в углу, а стоит нам встретиться взглядами, подходит ближе и присаживается на корточки, опуская на пол внушительный пакет с логотипом местной аптеки.

- У неё аллергия на клубнику, - глотаю слёзы и даже не возмущаюсь, когда горячая мужская ладонь стирает с моей щеки влажные дорожки. - И ей нельзя мучное из-за проблем со стулом... Я ведь могла её убить. Пичкать ещё неделю булками или довести до реанимации, накормив ягодами... Я не смогу, Некрасов!

- Сможешь, - он, как никогда серьёзно, заглядывает в мои тронутые слёзной пеленой глаза, и какое-то время просто рассматривает карие полоски на радужке. - Ничего страшного не случилось. Сейчас дадим ей сироп...

- Да не в сиропе дело, - отвожу его руку от своего лица и с трудом выпрямляюсь на ватных ногах. - Видишь, Вера

сложила всё: её документы, все её фотографии... Господи, она даже детские рисунки мне отдала!

Подхватываю из кучи бумаг мазню с припиской сестринской рукой "Сонечка, 2 годика" и упрямо качаю головой.

- Такое чувство, что она не планирует возвращаться. Макс, вдруг она и впрямь во что-то вляпалась? Я тут себя жалею, а мою сестру, может, уже прибили в какой-нибудь подворотне?

Ведь она любит Соню! Каждая мелочь из этих коробок об этом криком кричит. И в письме не врала: просто так на мой порог она бы никогда не пришла. Ведь столько лет молчала, так что мешало и дальше скрывать от меня правду?

- Я поеду, ясно? - хватаю протянутый мне сироп и вновь возвращаюсь в кухню. А бывший муж идёт следом. - Может быть, ей нужна моя помощь. А если она съехала, хотя бы с соседями поговорю... И можно Соню ещё расспросить, вдруг она слышала что-то, чему в силу возраста не придала значения?

Набираю в шприц необходимое количество лекарства, и ещё раз сверяюсь с инструкцией. Вроде верно. Оставляю Некрасова обдумывать мои слова, и на цыпочках пробира-

юсь в спальню, где Сонька уже вовсю тихонько сопит. Неуверенно касаюсь детского плеча, и когда, задрожав, её ресницы распахиваются, помогаю малышке выпить чёртово слабительное. Я всё сделаю правильно. И не такое переживала, ведь так? Вон, после развода казалось не соберу себя по кусочкам, а ничего, выстояла. Так чем эта ситуация хуже? Те же перемены, к которым просто необходимо привыкнуть.

- Ладно, - Максим стоит у кухонного окна, и вглядывается в даль с высоты шестого этажа. - Я через неделю еду в Подольск.

- Зачем?

- Снимать свадьбу, - он оборачивается, а я принимаюсь разглядывать пол под своими ногами - когда вечернее солнце окутывает его силуэт мягким свечением, не залюбоваться им практически невозможно. А мне нельзя, потому что в прошлый раз для меня всё кончилось плохо.

- У меня одноклассник женится, предлагает неплохие деньги.

Кто бы сомневался. Некрасов, может, и живёт в глубинке, но столичным фотографам ничем не уступает: ни мастерством, ни заоблачными ценниками.

- Поехали вместе?

- Вместе? - шепчу побелевшими губами, и так и опускаюсь на стул. Что значит вместе?

- Ну да. Ты же хотела найти сестру, а я вроде как лицо заинтересованное. Да и девочка... Мне будет спокойнее, если я буду знать, что она хотя бы нормально питается.

- Отцовский инстинкт проснулся?

- Вряд ли. Просто всё это... В общем, поехали. Вдвоём справимся быстрее.

Теперь он отталкивается от подоконника и замирает по другую сторону стола. Эту рубашку ему я покупала: тёмно-синяя, идеально сидящая на подтянутом теле... Максим ждёт, а я закусываю губу: что будет, если я соглашусь? Потому что помимо рубашки, мне и этот взгляд хорошо знаком...

Глава 10

У меня всегда так: на смену страху, рано или поздно, приходит решимость. Вот, к примеру: когда я развелась со своим любвеобильным мужем, жуть как боялась одиночества. Поэтому перешла к решительным действиям: немного сходнула, привела в порядок свою косметичку, перекрасила волосы и полностью сменила гардероб. А стоило осознать, что в ближайшем будущем это не принесёт плодов, ведь я, может, и недурна собой, а нормальный мужик в нашем городе вымер, - завела пса. И не прогадала! Макс хоть и с характером, зато предан, и любит меня не меньше, чем тот же говяжий рубец. Так что вот вам итог: один свой страх я кое-как поборола и одиночество мне теперь не грозит. Так неужели спасую перед маленькой девочкой?

- Посолить по вкусу, - читаю вслух рекомендации знаменитого повара и отправляю в дымящуюся кастрюлю столовую ложку соли. А потом и ещё парочку, ведь формулировку он выбрал уж слишком туманную.

- Всё, тёть Вась, я порвала капусту!

Оборачиваюсь на счастливую трель своей племянницы и принимаю из её рук пластмассовую плошку. И вправду, по-

рвала! Я не рискнула ей нож доверять. Поставила задачу покромсать капустные листья как можно мельче, и теперь поощряю её старания открытой улыбкой.

- Молодец, Сонька! Ещё укроп порви.

- Весь?

А я почём знаю?

- Весь, - соглашаюсь, решив, что зеленью щи не испортишь, и принимаюсь дальше мешать наваристый бульон.

Я, кстати, преуспела - сама дотюкала, что пенку периодически надо снимать. И чего Максим в меня не верил? Мне просто нужен был хороший пинок под зад и вуаля - передо мной и Соней стоит по дымящейся тарелке вкусного (хочется в это верить) обеда.

- Кто первый? - отодвигаю от девочки плетёную корзинку с хлебом, а немного поразмыслив, и вовсе прячу заветные кусочки в шкаф. Нечего зря ей душу травить, а то уже вон слюни пускает на хрустящую корочку!

- Вы, конечно, - она смеётся, прикрывая рот кулачком, и нетерпеливо отстукивает ложкой по столу. Голодная.

Ладно, я вроде как немного пожила, меня не так страшно приносить в жертву... Зачерпываю густые щи, но прежде чем отправить в себя это варево, принюхиваюсь: суп как суп. А я ещё переживала! Глядишь, с такими темпами на ужин гуляш состряпаю, ведь я страсть как давно его не ела. Делать нечего: облизываюсь, то ли взбудораженная мыслями о мясной подливке, то ли раззадоренная ароматом щи, и смело отправляю ложку в рот...

- Фу! - пересолила. Чёртова книга и чёртов загадочный повар! Не мог описать состав поконкретнее? В граммах, или хотя бы ложках на худой конец! Откуда новичкам вроде меня знать, сколько весит это "по вкусу", если я у плиты второй раз в жизни стою? Первый, кстати, был куда удачнее. Я картошку пожарила и Некрасов съел целую тарелку. Правда, спустя пару лет признался, что она была недожаренной.

Вот вам и решительные действия, твою мать! Выплёвываю обратно в тарелку свой кулинарный провал, а девочка беззаботно хохочет.

-Ну, тётя Вася! Нужно было суп с макарошками варить, как у папы. Ну, ничего. Давайте пиццу закажем? Или купим те булочки...

-Нет, - пресекаю её попытку толкнуть меня на кривую до-

рожку и, не тратя времени даром, иду выливать похлёбку в унитаз. Ей там самое место, суп для употребления внутрь непригоден. - Больше никаких булок, Соня. Лучше в кафе пойдём, я хорошее место знаю.

А то после вчерашнего волосы до сих пор дыбом встают, ведь уснули мы с Сонькой только в начале двенадцатого. Сначала терпеливо выжидали, когда же подействует лекарство, а потом я судорожно вспоминала все мамины примочки и минут сорок наглаживала ей живот. А когда беда миновала, принялась за чтение. И знаете, здесь тоже талант иметь нужно: моё чтение Соню не впечатлило и засыпать она отказывалась долго.

В общем, на третий день нашего с ней соседства я поняла - в отношении молодых матерей я погорячилась. Свои мозги они потеряли не в родовом зале, а в процессе воспитания. Как тут не деградировать, если большую часть дня ты только и делаешь, что обсуждаешь всякие глупости, а ночью ещё и берёшься за толстую книгу, события в которой больше похоже на бред сумасшедшего?

Возвращаюсь в кухню, где Сонька, подперев щеку кулачком, всё так же тарабанит по столу ложкой, и даю команду скорее одеваться. Я же настроилась на лучшее, а значит обязана вернуть её матери целой и невредимой. И желательно,

без гастрита, а тут без общепита никак... Там хоть к плите кого попало не ставят!

Сама выбираю для неё костюмчик и пока она медленно, как черепаха, натягивает на себя штанишки, прикидываю, в чём самой идти. Платье или джинсовые шорты? Солнце ведь светит нещадно! Только склоняюсь в пользу лёгкого сарафана с цветочным принтом, как в дверь кто-то настойчиво звонит... И да, мысли, что это Вера, я отодвигаю подальше, чтобы зря не расстраиваться, когда вместо неё я увижу на пороге... Некрасова.

- Гуманитарная помощь, Васёна. Ну как, прошёл живот? Я ей йогурты с черносливом купил, говорят для кишечника самое-то. А тебе вот, - он уверенно проходит в квартиру, сбрасывает с ног кроссовки и, порывшись в пакете, пихает мне в руку стеклянную бутылку. - Гранатовый сок, как ты любишь.

Кажется, у меня появилась домработница. Причём не абы какая, а с прессом и крепкими ногами, которыми прямо сейчас моя хозяюшка вышагивает в кухню. С дочкой здоровается, пса по холке гладит и кивает коту, разлёгшемуся на подоконнике. Надеюсь, платить мне ему не придётся? А то с этим незапланированным материнством, мне пришлось отпуск перенести, и такие траты мои отпускные вряд ли покро-

ют.

- Значит, у меня для тебя есть новость.

- Какая? - сажусь, вешая не пригодившийся сарафан на спинку стула, и с интересом слежу за его суетой.

Опять достаёт контейнеры (запотевшие, ведь приготовил всё это он наверняка перед самым выходом), ставит на стол бутылку из-под минералки, наполненную компотом для Соньки, и завершает всё это парой пачек жидкого кошачьего корма.

- Я нам жильё нашёл. Остановимся у моего знакомого, он в командировку едет, ключи оставит консьержке.

Смотрите, какой шустрый! Я ещё согласиться не успела, а он уже нам квартиру подбирает! А я, может, не хочу: чтоб наши щётки опять в одном стаканчике стояли, чтобы он в одних трусах при мне с утра кофе пил, чтобы эти его духи опять впитались в мои волосы и одежду! Да я все свои шмотки поэтому и выкинула: раз десять перестирывала, а всё равно казалось, что они его запах хранят!

- И если ты надумала отказаться, вынужден тебя огорчить, Вася. Я тут в интернете покопался - на поезде ты с ней до Москвы не доберёшься.

- Это ещё почему?

- Законодательство запрещает. Или Вера об этом позаботилась и написала согласие на Сонькину перевозку?

Ну вот как так-то? Некрасов хотя бы раз может прийти с миром, не испортив моё настроение бюрократическими неурядицами? Вздыхаю громко, так, что даже пёс, благополучно дремавший у батареи, вскидывает морду и косится на меня с осуждением, и открываю гранатовый сок, запивая горе любимым напитком.

- И как быть? - приговорив треть бутылки, откидываюсь на спинку, и устраиваю ладошки на надувшемся от воды животе. Пешком идти или на обозе, как в своё время Ломоносов?

- На машине поедем. Говорю же, тебе со мной повезло, - он улыбается, а я кисну, ведь наши с Максимом понятия о везении разнятся. - Только выехать придётся пораньше. Во вторник утром, сможешь отпроситься с работы?

- Я уже в отпуске...

- А мы с тётей Васей суп варили! - сдаёт меня с потрохами

Сонька, выглядывающая из прихожей, и у бывшего мужа от таких новостей отвисает челюсть. - С капустой.

- Правда? И как?

- Как-как, паршиво, - признаюсь, покраснев против воли, и сама встаю, чтобы взять с полки тарелки. Нечего ему здесь хозяйничать. - Садись Сонь, кафе отменяется.

А вместе с мыслями о салате Цезарь я хороню и свои планы о побеге из-под Некрасовского надзора. Я же водить не умею, а отчаяние моё пусть и достигло гигантских размеров, но на попутках добираться до Столицы я точно не решусь.

Ладно, как-нибудь справлюсь. Просто не буду на него смотреть, стану почаще задерживать дыхание, чтобы не отравиться ароматом его парфюма, а чтобы не слышать его болтовни, прикуплю себе беруши. Чем не выход?

- Ну, значит, решено, - довольный собой бывший муж садится на тот же стул, что занимал вчера, и под звон Сонькиной ложки о керамическую пиалу, принимается раздавать мне указания. - Ты только зоопарк свой пристрой, я животных в салон не пущу. И платье нарядное с собой возьми, на свадьбу со мной пойдёте.

- Вот ещё! И не подумаю, - что мне делать нечего, глазеть, как он баб на празднике клеит? Лучше сама отправлюсь Верку искать, пока он будет пялится в женское декольте в объектив дорогой камеры. - И пёс едет с нами!

Ваську на консьержку повешу, он же кот как-никак, к одиночеству отнесётся спокойно. А мой Джек от тоски ласты склеит. Говорю же, любовь у нас.

- Тогда перетяжку салона будешь делать за свой счёт. Тем более тебе не привыкать, - ухмыляется, а я вновь становлюсь пунцовой. И зачем напомнил?

- Сонька, готова к путешествию? - папаша, наконец, перестаёт любоваться моим смятением, и переключается на ребёнка, почти справившегося с тарелкой супа. А я вновь на Верку злюсь - не могла она поселиться не так далеко, чтобы мне не пришлось больше суток сидеть на переднем сиденье синего внедорожника?

- К путешествию? - малышка довольно потирает ладошки, а я закатываю глаза - похоже, только меня от мысли об этой поездке в холод бросает.

- Ага, в Москву поедем!

Глава 11

Во вторник, ровно в десять утра, синяя Тайота ждёт нас с Сонькой под окнами новенькой девятиэтажки. Минут десять, как ждёт... А я тяну время, в третий раз проверяя свой скромный багаж, и во второй придирчиво разглядывая своё отражение в зеркале. Женщина, даже обиженная, всё равно остаётся женщиной, поэтому для поездки я выбрала свой лучший спортивный костюм.

- Тёть Вась, нам папа сигналит, - и если бы не племянница, нетерпеливо оттаптывающая коврик у входной двери, поверьте, мои волосы лежали бы волосок волоску.

Вздыхаю, чуть склонив голову набок, и, нахмурив лоб, прихожу к выводу - для поездки с главным бабником города вовсе не обязательно так стараться. Тем более, если он видел тебя с опухшим лицом или с потёками туши на щеках. Хотя... Я ведь не соблазнять его собралась, а всего лишь ещё разок ткнуть носом в очевидное: он упустил лучшую женщину в своей жизни.

- Ничего, подождёт, - достаю со дна дорожной сумки косметичку и, приоткрыв рот, накладываю ещё парочку слоёв туши. И губы слегка подкрашиваю блеском. Это же Макс -

слепой идиот, которому не хватило пяти лет, чтобы оценить меня по достоинству, так что немного стараний лишними не будут.

- Ты коту корма насыпала?

- Да.

- А воду налила? - возвращаю косметику на место, и теперь удовлетворённая своим внешним видом, смотрю на девочку. Она как раз кивает, с улыбкой до ушей подтверждая, что до вечера её облезлый комок шерсти точно доживёт. А дальше всё на совести Антонины.

- Тогда пошли. И пса держи крепко, а то он с утра о прогулке мечтает.

Я подхватываю с пола Сонькин рюкзак, из которого торчит корешок книжки, что мы читаем на ночь; вешаю на плечо свои пожитки, и прежде чем отправиться в путешествие с призраком прошлого, с тоской оглядываю прихожую.

- Господи, сделай так, чтобы я вернулась сюда одна, - считай не для себя прошу, а для ребёнка, ведь кто захочет променять мать на криворукую тётку, которая даже чай толком заварить не может? Если бы не Некрасов, ещё неизвестно,

как бы мы продержались так долго...

- Не прошло и года. Я уже думал, ты решила не ехать. Оставить всё как есть.

- Не дождёшься! Я аптечку собирала. Между прочим, для твоей дочери старалась! Ты хотя бы представляешь, сколько всего нужно взять?

- Нет, но ты один хрен копуша.

- Копуша, - Соня повторяет за своим папой и принимается посмеиваться, двумя руками удерживая поводок.

И что в этом забавного, скажите на милость? Или возвращение Некрасова после длительного отсутствия в её жизни, так на ребёнка действует - всё, чтобы он не сказал, Верина дочь воспринимает с восторгом.

- Врёт тётя Вася, пап! Она ресницы красила! Вот так, - малышка открывает рот и принимается водить рукой у своего правого глаза, а я вскидываю голову к небу.

Жаль, что солнечно. Лучше бы меня прямо сейчас поразила молния, чем терпеть насмешливый взгляд зелёных глаз. Чёртово болото, а не зрачки! Прямо чувствую, как оно засасывает меня всё глубже и глубже, стоит мужчине довольно

усмехнуться!

- На свой счёт не бери, - шиплю, пихая ему в руки наш с девочкой багаж, и обнимаю себя за плечи, ожидая, когда же мой терьер закончит обнюхивать свежую траву и, наконец, возьмётся за дело.

- Что ты, и в мыслях не было. Явно же для Сони старалась, - бросает мой бывший муж с издёвкой и разворачивается к четырёхколёсному монстру. А я нервно сглатываю, украдкой покосившись на капот... Вот уж не думала,что мне вновь придётся оказаться на переднем сиденье.

- Смелее, - словно почувствовав моё замешательство, Максим разворачивается на пятках и теперь пятится к своему внедорожнику, забросив на плечо девчачий ранец. А чуть позади хозяйка розового безобразия уже и пса на руки взгромоздила, выражая готовность отправиться в путь. Только я тяну, приклеившись к месту белой подошвой своих кроссовок.

Чего греха таить - мне стыдно, поэтому лишний раз я на Максовскую Тайоту стараюсь не смотреть. Господи, лучше бы Вера направила свою энергию в другое русло, и вместо того, чтобы озадачиться транспортировкой Сонькиных поделок, привезла мне одну бумажку. Важную, благодаря ко-

торой мы хотя бы до Москвы могли добраться, не утруждая Сониного папашу.

- Давай, Вась, это не так страшно. Это всего лишь машина, и пока за рулём никого нет, раздавить она тебя не сможет.

- Ничего я не боюсь, - головой веду, а у самой сердце в груди пляшет. Да, боже, уже и не в груди вовсе - в кроссовке, и, кажется, ступи я шаг, сама же его раздавлю.

- Неужели совесть проснулась?

- Пошёл ты, - притворно улыбаюсь и, наплевав на грызущее меня изнутри чувство стыда, подхожу ближе к Некрасовскому коню. - Покрасил?

- Пришлось, - владелец кивает, а я выдыхаю. - Так что если у тебя вновь проснётся интерес к наскальной живописи, выбери тачку подешевле.

- Я, вообще-то, всё оплатила...

- Всё? - Максим приподнимает бровь, а я, опасаясь, что развей я эту тему дальше, он ещё и долг на меня повесит, скрываюсь в салоне.

Ладно, люди по-разному расходятся. Кто-то молча, кто-то даже умудряется остаться приятелями, а я... А я повела себя как школьница: нацарапала гвоздём "НЕКРАСОВ КОЗЁЛ" на капоте внедорожника, на который он копил несколько лет, и словно этого мало, проткнула все четыре колеса. Хотя, не торопитесь осуждать, ведь это всего лишь вещь и, как оказалось, скрыть на ней царапины не так уж и трудно. А вот моя душа, как решето, и ни один умелец не наложит на неё косметические швы.

- Ты детское кресло купил? - когда наш водитель, наконец, садится на своё место и пристёгивается ремнём, я с одобрением кошусь на присмиревшего сзади ребёнка. Она прижимает к груди медведя, и вновь уходит с головой в мультики, скомуниздив мой смартфон. А пёс, высунув язык, таращится в окно, взобравшись грязными лапами на светлое кожаное сиденье.

- А то. Или тебе подняли зарплату и ты можешь позволить себе оплату нескольких штрафов? Пристегнись, - Макс проворачивает ключ в замке зажигания и плавно выруливает со двора.

- Причём тут я? Дочка, вообще-то, твоя, так что в случае чего, и штрафы на твоей совести.

- Кто бы сомневался... Хотя вопрос с моим отцовством до сих пор открыт, - шепчет и благоразумно прибавляет громкость на магнитоле. Соня хоть и обожает детские каналы, но лучше уж перебдеть. - Обещали результаты на почту прислать.

Быстрей бы... А то эти его сомнения порядком меня напрягают: то бледнеет, когда Соня виснет на его шее, то заливается краской, принимаясь врать о своих полётах. Вот убедится и, может быть, ещё сам попросит меня сложить её вещи и помочь перевезти девочку в его квартиру. Если Верины поиски не увенчаются успехом...

- Ты думала над тем, что мы будем ей говорить, если слова твоей сестры не подтвердятся? Она же ко мне привязалась, - продолжает шептать и то и дело отвлекается от дороги, поглядывая в зеркало заднего вида. - Зря ты ей всё рассказала. Нужно было результатов дождаться.

- Ничего не зря. Твоя она, и точка. У неё даже повадки твои, - и это даже немного пугает... Иной раз как взглянет, словно мой бывший муж напротив стоит! Или дурацкая привычка волосы на палец наматывать? Правда, Некрасов обычно мою прядь в спиральку закручивал, а у Сони своего добра навалом...

- Она даже спит как ты - закинув руку на глаза...

- Ну, если руку, тогда точно моя, - хмыкнув на мою очередную чушь, мужчина принимается настраивать кондиционер. - Ладно, чего гадать. Надеюсь, к вечеру всё решится.

Он откидывается на спинку, лениво прокручивая руль одной рукой, а я принимаюсь таращиться в окно...

Думаю, на это чёртово ДНК мы возлагаем разные надежды: я мечтаю, наконец, бросить:" Я же говорила!", а он до последнего надеется обелить свою репутацию. Мол, пусть и скакал по туалетам с незнакомками, не утруждая себя запоминанием имён, зато о предохранении не забывал...

- Макс, - уже за чертой города, когда старые пятиэтажки и покосившиеся бараки остаются позади, а на смену им приходят дачные участки, решаюсь задать волнующий меня вопрос. - А если ты прав...

Начать смогла, а вот закончить... Ведь прозвучит он слишком жалко.

- Что, если я прав?

- Если ты окажешься прав, твоё предложение о помощи в силе? - шепчу, вовсе не из-за того, что боюсь быть услы-

шанной Сонькой, а от зреющей внутри убеждённости, что лишний раз дала мужчине повод понять - я без него пропаду. Так всегда было: с виду сильная, решительная, а едва на горизонте замаячат неприятности, бегу к Некрасову за помощью. Год прошёл, а стать самостоятельной так и не успела. Вон, уже неделю его еду ем, потому что на пересоленных щи свои потуги овладеть кулинарным мастерством я спешно прекратила.

Кусаю губу, разглядывая мужской профиль, и, кажется, перестаю дышать. Красивый он, и неважно что подлец. Нос прямой, волевой подбородок, губы, на которые пялится мне противопоказано. Они уже давно отравлены чужими поцелуями, а меня даже это не останавливает, и прямо сейчас я вспоминаю, с каким голодом они касались моей кожи.

- Думаешь, для меня это что-то меняет? - он украдкой скользит по мне взглядом, а я призадумываюсь: разве нет?

- Конечно. Одно дело искать женщину, от связи с которой у тебя остался ребёнок, другое, помогать бывшей жене найти сестру, обвинившую тебя во всех грехах. Я бы, пожалуй, плюнула и высадила тебя на обочину.

- Это ты, - вновь усмехается, и отчего-то сильнее сжимает баранку. - У тебя отказываться от меня вошло в привычку.

Даже повод не нужен... И нет, Вась, я своё слово нарушать не планирую.

- Хочешь в случае чего Верке головомойку устроить? - кошусь с подозрением на его напрягшиеся печи, и ещё сильнее молю небеса, чтобы лаборанты не подвели. А то ведь и впрямь голову ей открутит... Мне многое с рук спускал - одна его машина чего стоит - а постороннего человека не пощадит. Характер такой.

- У меня другие цели. С головомойкой ты и сама справишься, - чуть дольше смотрит мне в глаза, а у меня к щекам кровь приливает. Словно в любви признался, ей-богу! Вон даже ладошки затряслись...

Спешно отвожу свой взор от задумчивого водителя и на чём свет стоит кляну себя за болтливость - зачем спросила? Теперь всю дорогу, как на иголках сидеть, гадая, что же он имел в виду. Неужели, из-за меня поехал?

Глава 12

Спустя два часа пути мне хочется выпрыгнуть из машины и отправиться в Москву лёгкой трусцой. Да хоть ползком, лишь бы размять затёкшие конечности и, наконец, перевести дух: от напряжения моё сердце так и пляшет в груди, сдерживаемое лишь тесной майкой. Очень тесной, наверное, поэтому Некрасов то и дело косится в мою сторону, всякий раз задумчиво хмуря брови. Конечно, с Вишенками мои габариты не сравнятся, проигрывают... Зря я, наверное, олимпийку сняла.

- Жарко, - облизываю пересохшие губы и, схватив с приборной доски какой-то буклет, принимаюсь обмахивать им раскрасневшееся лицо. - Может, окно откроем?

- А Сонька? - Максим кивает на спящую малышку, на чьи колени уложил морду заскучавший пёс, и пожимает плечами, мол, крепись, Вась, а то ребёнка просквозит.

Отлично, теперь я должна плавиться на солнце, пока моя неизвестно чем занимающаяся сестра пренебрегает своими материнскими обязанностями. Ещё и терпеть присутствие бывшего мужа, тем для разговоров с которым у нас, кажется, осталось не так уж и много. Только и знаем, что обсуждать

девчонку, да моего терьера, минут двадцать назад оцарапавшего кожу на спинке пассажирского сиденья. Интересно, к концу нашего путешествия мне предъявят счёт?

- Это невыносимо. Ещё час и я умру от перегрева.

- Чая горячего выпей, - а вот водитель словно и не замечает, что температура в салоне с каждой минутой всё больше приближается к запредельной отметке. Ещё и термос суёт мне в руку, всерьёз веря, что я захочу давиться кипятком.

- Пей, в жару горячий самое-то. И мы почти добрались до места, так что потерпи ещё полчаса. Но если совсем невмоготу, раздевайся, я совершенно не против, - он потешается, а я закатываю глаза.

- Это самый нелепый развод Некрасов. Ты теряешь хватку.

- Я просто не старался. Да и чего я там не видел?

Многого... К примеру, татуировки на левом боку больше нет. Я её не пощадила - Максим изменил мне, а я убрала с тела клеймо, четыре года красующееся где-то под сердцем. И бельё... Я же на время прекратила поиски своего суженного, так что привычных для бывшего мужа кружев давно не но-

шу. Так давно, что любимые им белые комплекты наверняка пожелтели, заброшенные вглубь бельевого комода. Господи, да я и впрямь близка к званию старой девы! Кошка, собака и хлопок, обтянувший бледную задницу...

- Можно вопрос? - я мрачнею от всплывшего в мозгу откровения, а когда-то любимый мной мужчина, взирает на меня из-под солнечных очков, съехавших с макушки на переносицу. Чего это он так загадочно на меня таращится?

- Валяй, всё равно ведь не отстанешь, - тем более что тишина мне порядком поднадоела. Выпрямляюсь на кресле, готовая к любой пошлости, которую может родить воспалённый Некрасовский мозг, а он объезжает выбоину на асфальте и заставляет меня задохнуться:

- Ты уже нашла мне замену?

Вот оно! Не прошло и недели, как он вдруг сообразил, что я, вообще-то, женщина в самом расцвете сил!

- А тебе-то что?

- Ну, как... Мы ведь не чужие. Я переживаю, свяжешься не пойми с кем...

- Ну, да, это я могу. С одним даже пять лет прожила, - бросаю ехидно, теперь всерьёз жалея, что превратила себя в затворницу, и старательно ухожу от ответа. - Не твоё дело, ясно? Я же в твою постель не лезу.

-А зря, для тебя в ней всегда найдётся место. Почётное, Вась...

- Как мило, - улыбаюсь и словно ребёнка тискаю его за щёку. - Но я, пожалуй, откажусь. Не хочу наступать на одни и те же грабли дважды.

У меня и так шишка размером с куриное яйцо. Что же, ждать когда я ими голову размозжу? Нет уж, увольте.

- Хочешь, Некрасова, - Макс перехватывает мою ладошку и, словно имеет на это право, переплетает мои пальцы со своими. Поглаживает, развалившись на водительском кресле, и ослепляет меня белозубой улыбкой. - Иначе не села бы в машину.

Мои пальцы огнём горят, а лицо пылает праведным гневом:

- Немного ты на себя берёшь? - руку одёргиваю и грубо возвращаю ему термос, до сих пор лежащий на моих коле-

нях. - Если бы не Соня, я бы к тебе не пришла. Да я о тебе уже думать забыла, ясно?

- Ясно, - кивает серьёзно, но через мгновение вновь растягивает губы в улыбке. - И пса назвала в мою честь, чтобы гонять его по квартире.

Ну вот! Не дурак же!

- Только и тут вышла накладка: сколько пар твоей обуви он уже сгрыз?

- Три...

- Видишь? А ты всё равно с него пылинки сдуваешь.

- Господи, ещё скажи, что причина моей к нему любви в его кличке.

- Отчасти, - кивает, а я глаза пучу: ну не дурак ли? Взрослый мужик, а несёт такой бред!

Отворачиваюсь к окну, не желая продолжать этот странный диалог, и безо всякого интереса слежу за мелькающими за стеклом домами. Похоже, мы въехали в город.

- Ты меня любишь, Вася, - сказал, как отрезал, и даже мой возмущённый вздох его не смущает. - И хотя бы себе не ври, свидетельство о разводе ничего не меняет.

Ну и самомнение... Все эти его модельки виноваты - заглядывают ему в рот и сбрасывают платья по первому зову! Только вот незадача, я не они.

Расправляю плечи, стягиваю кроссовки и забираюсь с ногами на сиденье, прекрасно зная, что он этого жуть как не любит. Ни фантиков от шоколадных батончиков, ни песка, который непременно нужно стряхнуть прежде, чем залезть в салон его внедорожника. Чёртова неженка.

- Нет, не люблю. Но если тебе нравится думать, что весь этот год я только и делала, что рыдала в подушку - удачи. Тяжело же, наверно, осознавать что тебя забыли.

По себе знаю, он ведь наверняка недолго страдал. И то, если и переживал, то об этой тачке, на которой я оставила корявенькую прощальную записку. Её подрихтовали и всё: будто не было Василисы Некрасовой в его жизни.

Вновь устремляюсь глазами к ржавым вывескам над магазинами, и мысленно пополняю список обзывательств, который за этот год заметно подрос. Отныне он ещё и напыщен-

ный индюк. Самовлюблённый павлин, чей хвост не мешало бы немного пообщипать. Может, мне этим заняться, пока он не решил, что всю эту историю я выдумала специально, чтобы вернуть себе когда-то брошенного мужа? Соньку у сестры одолжила и спиртовым маркером нарисовала на её плече незатейливое родимое пятнышко?

- А знаешь, - спустя пять минут тишины, во время которой я боролось с желанием съездить по этой наглой морде Сонькиным рюкзаком, Некрасов тормозит у какого-то здания. - Я даже рад, что твоя сестра исчезла.

- Это ещё почему? - оглядываю улицу и спускаю ноги, с трудом попадая ими в кроссовки.

- Ну, как... Так пришлось бы повод искать, чтоб увидеться, а тут целая неделя в твоём обществе.

Он что, решил меня добить? Сначала заявляет, что я по нему сохну, теперь вот зачем-то и сам прикидывается влюблённым... Вон как смотрит, словно хочет до самой души добраться!

- Ого, - наигранно хватаюсь за сердце, но стоит мужчине проследить за моей рукой взглядом, поспешно тянусь за олимпийкой. - Похоже, это ты влюблён по уши, раз искал

встречи!

- Может, и влюблён, - выдаёт серьёзно, а у меня смех в горле застревает. Кто же так шутит? - И в отличие от тебя я не стесняюсь в этом признаваться. Сонька!

Макс поворачивается назад и аккуратно дёргает девочку за рукав футболки, а я всё никак не могу отдышаться: что за игру он затеял? Вжимаюсь в спинку, опасаясь, что ненароком задену его плечо и, пользуясь остановкой, спешно открываю окно. Лучше пропахший бензином и шавермой воздух, чем аромат его геля для душа. Как девочка, ей-богу! Подумаешь, ляпнул... Чего теперь бледнеть?

- Зачем мы здесь остановились? - когда он вместе с дочерью и моим псом ступает на тротуар, я всё же беру себя в руки. Не сидеть же одной, пока они неизвестно где шатаются!

- Привал. Пообедаем, потом снимем номер.

- Номер? - или сидеть? Ведь эта странная ухмылка на мужских губах меня пугает до чёртиков...

- Ну да. Я в машине ночевать не хочу, - мужчина открывает багажник, и достаёт наши сумки. А я за его спиной топчусь, растерянно следя за его действиями. Какого чёрта?

- Ты рехнулся? Мы ехали от силы часа три! Такими темпами мы и к сентябрю до Москвы не доедем!

Уж он так точно! Потому что я рано или поздно сорвусь и прибью его и за эти шуточки, и за природное обаяние, сопротивляться которому уж слишком энергозатратно!

- Паром в шесть утра, Вась, так что всё равно придётся переночевать. Но если хочешь, оставайся в машине, - он бросает мне ключи и как ни в чём не бывало идёт за руку с моей племянницей к дверям дешёвой гостиницы...

- Тёть Вась, только мы Макса с собой возьмём! Ему в машине неудобно будет.

Отлично! Пинаю колесо, и даже бровью не веду, когда синяя Тойота протяжно стонет, вынуждая своего хозяина обернуться. То-то же, я знаю, как ударить побольнее.

- Обязательно отыгрываться на машине? - он перехватывает отфутболенный ему брелок, а я забираю Сонину руку, вынуждая её немного прибавить шагу. У меня два вопроса: какого хрена мы приехали сюда за сутки до чёртового парома, и почему мой предатель-терьер застывает у столба, отказываясь идти до тех пор, пока нагруженный сумками Некра-

сов нас не догоняет?

- Я говорил, что ты в гневе ты безумно красива? - он подстраивается под мои шаги, и периодически поправляя лямку спортивной сумки, любуется моим профилем.

- Нет.

- Всё логично, потому что это не так, Васёна! Шустрее, - выхватывает у меня поводок и первым касается дверной ручки, жестом приглашая нас пройти внутрь. Это будет незабываемая поездка. Ужасная незабываемая поездка, которую мне хочется свернуть прямо сейчас, когда замерев у дешёвого стола из дсп, мой бывший муж вежливо переговаривается с администраторов, а его горячая ладонь касается моей талии в каком-то собственническом жесте. Потому что администратор - бородатый кавказец.

Глава 13

Итак, выводы я делаю неутешительные: к тому, что на протяжении нескольких дней Максим Некрасов будет мельтешить у меня перед глазами, я, оказывается, морально не готова. На часах лишь начало четвёртого, а мне уже кусок в горло не лезет, ведь рядом, в паре сантиметров от меня довольный бывший муж уминает отбивную.

- Всё-таки это подло, - резюмирую, никак не смирившись с его проделкой, и без всякого энтузиазма принимаюсь жевать лист салата. - Мы могли выехать вечером, а вместо этого притащились в эту дыру, чтобы застрять здесь на сутки.

- Дыру, - мужчина неодобрительно хмыкает на мой снобизм, и ворует из моей тарелки кусочек огурца. - Не пробовала относиться к ситуации проще? Представь, что у нас медовый месяц и ...

- Упаси, боже! Только медового месяца с тобой, да ещё и у чёрта на куличках, мне не хватало! И вообще, если уж притащил нас сюда, мог бы хотя бы гостиницу поприличней выбрать!

А то гостиница для этого места слишком громкое назва-

ние. Семь номеров и небольшая столовая в закутке, где людям приходится перемещаться бочком, чтобы не задеть соседние стулья. Хорошо хоть стол шведский! Только вот повариха так себе, ведь судя по представленным блюдам, она немногим талантливее меня...

- Ну простите, других здесь нет. Зато архитектура красивая. Я, кстати, собираюсь прогуляться, поснимать... Не хотите составить компанию?

- Да!

-Нет, - отрезаю, стерев улыбку с детского лица, и тут же ругаю себя за свою резкость. Что я за тётка? Девочка всю жизнь ждала встречи с отцом, а я не даю ей воспользоваться ситуацией и насладиться его обществом! Вот сколько прогулок он ей задолжал? Правильно, пару тысяч, не меньше! А долги отдавать нужно.

- Соню с собой возьми. И пса, - пихаю ногой прибалдевшего под столом терьера, и он тут же вскидывает морду, принимаясь беспокойно озираться по сторонам. - Тем более что вы с ним спелись. Чёртов предатель!

С осуждением гляжу в собачьи глаза, надув щёки от обиды, и бросаю на пол кусочек сыра.

- Ладно. Тогда доедай, - Некрасов вытирает руки салфеткой, пододвигая тарелку с пловом поближе к ребёнку, и, потянувшись, выпрямляется на ногах. - А я пока камеру возьму.

Уходит он торопливо. Мгновение, и уже скрывается за белой дверью, в центре которой красуется объявление, что посуду за собой нужно убирать самостоятельно. Господи, куда я попала? Единственное, за что этому отелю можно присвоить хотя бы одну звезду - хозяин, с широкими плечами, чёрными, как ночь, глазами, и бородой, которую он то и дело поглаживает, расправляясь с запоздалым обедом за соседним столом.Потирает подбородок и косится на меня, неспешно перемалывая белющими зубами шашлык... Интересно, женат? Иначе я его супруге не завидую - такой ни одной юбки не пропустит!

- Что невкусно? - кивает на мой Цезарь, в котором гренки размокли наверняка ещё несколько часов назад, и откидывается на спинку, расправляя футболку на плоском животе. Это он так флиртует? Потому что хоть убейте, но я забыла, как это делается!

- На редкость гадостная вещь. Вашего повара нужно гнать взашей, оливки в Цезаре это извращение.

- Авторская кухня, - кавказец улыбается, а я даже на это неспособна. Просто пожимаю плечом и решаюсь запить мудрёный рецепт пакетированным чаем. И Сонька не отстаёт: хватает стакан с компотом двумя руками и опустошает его в один присест, аж щёки краснеют от такой скорости.

- Не торопись, - она закашливается, а я вытираю её подбородок, перемазанный наверняка невкусным пловом. Поправляю хвостик на её макушке и качаю головой, когда она с улыбкой от уха до уха принимается хрустеть шоколадными шариками. Их ведь ей можно? Я ни черта в детском меню не смыслю, так что в случае чего, пусть Максим винит себя за очередной Сонькин запор.

- Дочка ваша? - хозяин этого клоповника шашлык уже приговорил и теперь следит за моими манипуляциями с Сонькиной футболкой - она её маслом заляпала, а я, отыскав в сумке пачку влажных салфеток, отчаянно пытаюсь оттереть пятно от жёлтой материи. Краснею, отчего-то смущаясь такого пристального внимания к своей персоне, и даже собираюсь солгать... Да только в ушах так и звенит: "Ты меня любишь, Вася!". Разве прав? Ни на грамм! Я его ненавижу. Ещё вчера казалось, оттаяла, а сегодня села в проклятую машину и осознала - не прощу. Не после всех его шуточек о чувствах, после которых у меня ещё минут десять подкаши-

вались коленки.

- Племянница, - выпрямляюсь и, подперев подбородок ладошкой, всё-таки решаюсь на улыбку. Это всего лишь беседа, причём ни к чему меня не обязывающая. Надо ведь во всём плюсы искать? Так вот: мои знания о болтовне с противоположным полом необходимо освежить. Тем более что восточный мужчина проявляет ко мне интерес впервые в жизни. Одногруппник Рашид не в счёт - это было на первом курсе, и единственное, что хоть немного намекало на его горячую кровь - имя, да карие глаза.

- В отпуск с мужем едите или насовсем к нам?

- Проездом. И он мне не...

- Что-то вы долго, - только хочу и от Максима откреститься, а он уже тут как тут. Серьёзный такой, мрачный, загораживает собой любопытного администратора и принимается складывать посуду на поднос. Аж тошнит, до чего правильный: и салфетки скомканные сложил, и мои приборы забрал, и Сонькин стул задвинул, когда она подскочила на ноги, намереваясь отправиться с ним на съёмки. И к лучшему. Хоть отдохну немного...

- Чего сидишь? Пошли.

- Куда? - в непонимании таращусь на бывшего мужа, уже снимающего со спинки мою олимпийку, и ещё больше округляю глаза, когда он берёт меня под локоть и помогает подняться. Я же уже отказалась, чего прилип как пиявка?

- С нами. Я передумал тебя оставлять, - выразительно так смотрит кавказцу в глаза и то ли неосознанно, то ли вполне себе преднамеренно, угрожающе разминает шею. Как боксёр, осталось только ещё кулаками друг об друга ударить и броситься в бой.

- Что значит передумал? Я, вообще-то, не маленькая, за пару часов ничего со мной не случится, - не Верка же! В туалет зажиматься с бородачом точно не побегу.

- Вась, не зли. Давай на выход, хочу успеть пока солнце не село.

Ясно. Вот вам ещё один аргумент, чтобы держаться подальше от бывших мужей: сколько бы лет ни прошло, собственник в них умирает очень медленно, и даже в семьдесят он заскрипит вставной челюстью, заметив вас в компании бодрого пенсионера... Улыбаюсь на прощанье приветливому незнакомцу и послушно бреду на выход. А за мной пёс, даже уши сложил, чего я за ним прежде не наблюдала.

- И? Куда едем? В поле? Смотреть, как фермеры пасут баранов? Или на местный рынок, снимать прилавки с помятыми овощами? Это ведь дыра, Макс, что здесь можно снимать?

- Церковь. Увидишь, поймёшь, - он галантно открывает для меня дверь синего внедорожника, а когда я устраиваюсь на нагретой палящим солнцем коже, склоняется к моему уху, чтобы Соня его угроз не услышала:

- В комнате запру, если ещё раз увижу в компании с этим боровом.

- Смотри какой! Окстись, - щёлкаю ремнём, и упрямо вздёргиваю подбородок, - мы в разводе.

- Но фамилию ты носишь мою. А для меня этого достаточно.

Гад. Я бы сменила, честно. Только в девичестве я Мухина. Кто-то скажет, что ничего страшного в этом нет, а я до одиннадцатого класса для всех была Мухой. Даже в университете поначалу не сразу на собственное имя стала отзываться. Да и документы... Уж лучше и дальше оставаться Некрасовой, чем высиживать километровые очереди во всевозмож-

ных инстанциях.

Тем более что к фамилии прилагается приятный бонус: его ревность мне всё же льстит. Настолько, что следующие пару часов я только и делаю, что закусываю губу, стараясь прогнать с лица улыбку.

Глава 14

Желающих поскорее убраться из этого богом забытого городка не так и уж мало. Два большегруза и десять легковушек... Интересно, мы, вообще, поместимся на этот крохотный паром?

- Не речка, а какая-то лужа, - хмурая Сонька недовольно супит брови и морщит доставшийся ей от отца нос. Конечно, мы её подняли в половине пятого утра, как тут не продемонстрировать умело скрываемые грани своего характера?

- Согласна, - я задумчиво вглядываюсь в даль, цепляясь взором за верхушки деревьев на том берегу реки, и устало вздыхаю. - Могли бы и мост построить.

Чтобы людям, не пришлось куковать в третьесортной гостинице, в номере которой, к моему ужасу, стояла только одна кровать. И как тут заснуть, когда Некрасов будто специально расстелил одеяло на полу аккурат напротив меня? Чтобы я всю ночь вертелась, борясь с дурацким желанием понаблюдать за ним спящим? А там есть на что полюбоваться, поверьте. Один обнажённый торс чего стоит...

- Чего вы такие кислые? Сонь, когда ещё по реке прока-

тишься? - а вот и очередь моего ночного наваждения подошла вклиниться в нашу беседу ! - Через полчаса уже будем на той стороне.

- А я не хочу по реке кататься! Я хочу мультики смотреть! Тётя Вася, можно я ваш телефон возьму и пока в машине посижу?

- Боюсь, не выйдет Сонь, - наша очередь подошла.

Некрасов садится за руль, сконцентрировав своё внимание на молоденьком парнишке, что уже машет рукой, пятясь к барже, а мы с ребёнком отходим к кустам, силой утягивая за поводок разыгравшегося пса.

Вот уж кто действительно рад такому раннему пробуждению! Кувыркается по песку и, с корнями вырывая траву, принимается её пережёвывать, игнорируя мою неубедительную команду: "Плюнь". И не мудрено, невыспавшаяся и взволнованная предстоящим "круизом" напугать терьера Макса я могу разве что бледным лицом. Я же говорила, что воды боюсь? Если нет, знайте - трусиха из меня вышла знатная. Искупаться на мелководье, это я запросто, а все эти паромы, теплоходы, катера и прочие водные монстры явно не для меня - трясти начинает. И ведь Некрасов об этом прекрасно знает! Может, поэтому ходит такой довольный всё утро: завтрак нам с Сонькой принёс, бодрый, будто на часах

далеко за полдень, напевал себе что-то под нос, минут двадцать плескаясь в душе, пока я нервно размазывала по лицу штукатурку. Я даже дважды кисточку от туши уронила, когда доморощенный эстрадный артист, фальшиво брал высокие ноты...

- А мы что без папы поедем? На лодке? - Соня отвлекает меня от размышлений, дёргая за край свитера, и испуганно пялится на едва не увязшую в грязи синюю Тойоту. - Почему нам в машину нельзя?

- Правила такие, техника безопасности, - мать её. Я уже продрогла до костей, впору и самой приниматься скакать по берегу вместе с собакой. И на кой чёрт надела шорты? - Сейчас все машины погрузят, и мы с тобой к папе пойдём.

- Ну ладно... Тёть Вась, а почему мы не на самолёте летим?

- В смысле?

- Ну на папином, у него же есть, - она забавно трясёт ладошкой, словно понять не может, почему взрослые такие несообразительные, а я рот открываю - действительно! Для неё же он лётчик!

- Потому что на машине ехать дольше. Ты же хочешь боль-

ше времени провести с папой? - она кивает, а я краем глаза улавливаю приближающего к нам пилота.

От ветра полы его фланелевой клетчатой рубашки расходятся, а тонкая серая футболка облепляет грудь, как вторая кожа. Нужно было супруга поуродливей выбирать, тогда бы после нанесённой им мне обиды и болезненного развода, я бы точно смотрела на него с отвращением. А так... Дуры мы, бабы!

- Замёрзли? Я вам чай несу, - он салютует термосом, а я недовольно морщусь: если у Верки никаких проблем нет, и её письмо очередная байка, можете не сомневаться - я с неё три шкуры спущу! - Через минут десять отправляемся.

Отлично. Надеюсь, мне этого времени хватит, чтобы привести нервы в порядок. Ещё бы Некрасов перестал пялиться на мои ноги...

- Хана твоим кроссовкам, Васёна.

- Это ещё почему? - немного остудив чай для Сони и вручив ей наполовину наполненный стаканчик, теперь и сама опускаю глаза вниз. Белые, с ярко-жёлтой полоской по контуру подошвы и такими же яркими шнурками.

- Так грязно же. Вон, - кивает на свои перемазанные гря-

зью Нью Балансы и чтобы не сомневалась, что и меня ждёт такая же участь, добавляет, - я на машине еле заехал.

Господи... Час от часу не легче!

- Хотя, если попросишь, я тебя на руках занесу, - Макс мне улыбается, а я вымученно вздыхаю в голос. Он опять за старое? Вроде и кавказца-администратора рядом нет, а все корчит из себя заботливого супруга. Нет уж, лучше обувь на помойку выкину, но прикоснуться к себе не позволю. Вдруг понравится, и потом всю неделю буду мечтать только об одном - вновь оказаться на этой переправе, чтобы уткнуться носом в ямку на его шее, пока он тащит меня через песочную кашу?

- Спасибо, обойдусь. Тем более что они старые, - целый месяц ношу, и дай бог, чтобы грязь отмылась. Я пять тысяч за них отдала, а для штатного сотрудника загибающейся газетёнки, ещё и недавно купившего себе квартиру, это, между прочим, приличные деньги! - Вон, Соньку неси, она точно не откажется.

- Да! Я хочу! На спине, можно?

- Можно, - отвечает ей, а сам на меня смотрит, насмешливо выгибая бровь. Правда, недолго, ведь последнее авто

уже погрузили и теперь сонные путешественники стройным рядком тащат свои задницы на паром. - Прыгай тогда.

- А чай?

- Потом допьёшь. Тётя Вася тебе ещё остудит.

Кто бы сомневался. Забираю у малышки термос, торопливо закручиваю крышку и, с трудом поспевая за бодро шагающей троицей - а мой пёс теперь только и делает, что тенью следует по пятам за своим тёзкой - мчусь взглянуть в глаза своему страха. Двум страхам, потому что и тут Макс прав - хана моим кроссовкам. Зря, может, от помощи отказалась? Сонька вон, чистенькая, стоит на барже и машет мне рукой, чтобы поторапливалась.

- Давай, Васён, быстрее, - и папа её не отстаёт. Руки в карманы джинсов сунул и теперь с интересом следит, как я скачу, словно заяц, стараясь добраться до них с наименьшими потерями. Хоть бы доски какие кинули! Подошва вязнет в тёмной жиже, и чтобы оторвать её от раскисшей земли, приходится приложить усилие. - Ещё непоздно попросить о помощи...

- Не дождёшься! Я без тебя справлюсь, понял? - осталось-то метра два. Сейчас сделаю последний рывок и...

- Вася! - и шмякнусь на задницу, а мой бывший муж возведёт глаза к небесам, упрекая Вселенную за создание такой неуклюжей упёртой женщины!

Глава 15

Я замёрзла. Я грязная. Я злая. Зато попутчики приободрились и теперь по очереди косятся в нашу сторону, может и скрывая улыбки, зато с головой выдавая себя озорными смешинками в глазах.

- Спокойно стой, - Некрасову, кстати, не мешало бы с них пример взять, а то от его довольной рожи можно ослепнуть. Ещё бы! Ему же выпала почётная миссия оттирать с моих ляжек толстый слой рыжей глины. А его хлебом не корми, дай помять бабские телеса! - Сонь, давай ещё.

Ну, семейка! Прямо спецотряд: одна торопливо подцепляет из пачки влажную салфетку, другой с усердием водит ей по голой коже, а стоит ей прийти в негодность, возвращает обратно ребёнку. И вновь все их действия повторяются по кругу.

Как же грустно... До слёз обидно, что теперь я осталась не только без любимой обуви, но и единственные шорты испортила! А вместе с ними джемпер - нежно персиковый, кашемировый... Из-за Некрасова всё, ведь если распутать клубок причинно-следственных связей, у самого истока стоит он - красивый, самовлюблённый и вечно бросающийся крепкой

грудью на амбразуру. "Васёна, давай подвезу?", "Васена, давай накормлю?", "Васёна, прыгай ко мне на руки!" - да тут любая на моём месте зубами заскрипит!

- Ноги раздвинь, - слышу и удивлённо хлопаю глазами.

- Давай уже, - а теперь ещё и громкое "ой" повисает в воздухе, заглушаемое жужжанием чужих голосов и на износ работающих двигателей! Какого чёрта он меня щупает?

- Ты что делаешь? - свожу бедра, зажимая горячую мужскую ладонь, скользнувшую по внутренней стороне бедра, и с пылающими щеками взираю на виновника своей горячки. А у меня определённо горячка! И стыдно, и так знакомо приятно... Хоть в воду прыгай, чтоб перестать пылать!

- Песок стираю, Вась. У тебя весь зад грязный. Не удивлюсь, если песчинки даже в трусы попали.

- А вот трусы трогать не надо! И, вообще, - отбираю салфетку, отпихивая от себя такого помощничка, и самостоятельно смахиваю остатки береговой грязи, - дальше я сама. Лучше скажи, где мне переодеться? Ты же меня в таком виде в машину не пустишь.

- Не пущу, - Максим кивает, в миллионный раз за это утро

демонстрируя ряд ровных белых зубов, и, задумчиво почесав лоб, машет рукой в сторону берега. - В кустах переоденешься, а я, так и быть, покараулю.

- Как в кустах? Здесь, что туалета нет? - пугаюсь такой перспективы, ведь караулить меня нужно как раз от него, и, позабыв об ответственности перед матушкой-природой, отправляю грязную салфетку за борт. Что за посудина такая? Мотористы что нужду в реку справляют?

- Есть, но для пассажиров не предусмотрен. Мы уже через пару минут причалим, так что потерпишь.

Конечно, ему-то легко говорить. Ёжусь, зябко потирая голые плечи (ведь мой изувеченный свитер теперь валяется в багажнике), и слабо улыбаюсь Соньке - она как раз глядит на меня, хлопая пушистыми ресницами. Счастливая, в мятной ветровке, сочно-красных штанишках и в тоненькой шапочке, сдерживающей густые волосы, которые с удовольствием подхватил бы ветер. А мои торчат в разные стороны, довершая собой неряшливый образ. Я бы от горячей ванны не отказалась. От очень горячей, чтоб даже зеркало запотело.

- Иди сюда, - Некрасов подходит сзади и, не оставляя ни единого шанса на спасение, накидывает на меня свою толстовку, которую только что достал с водительского сиденья.

Сам тянет бегунок вверх, сам собирает в кучу мои запутанные лохмы и, чтобы точно не околела, прячет мою блондинистую макушку под капюшоном. - Что с тобой делать-то, Вась?

- Ничего... - блею, когда меня разворачивают, позволяя вновь полюбоваться водной гладью, и забываю как надо дышать, ощущая спиной жар мужского тела. Нельзя мне с ним обниматься, только руки словно тиски, при всём желании не отцепишь.

- Грейся, - он забирается пальцами под мою кофту, а я пихаю его локтем, ведь пусть и плыву от такой близости быстрее, чем этот чёртов паром, но давать ему очередной повод для насмешки не хочу.

- Тогда руки не распускай!

- Я же в отопительных целях!

- В отопительных, - хмыкаю, ведь ладошки у него и вправду горячие, - и скажи теперь, что ты не идиот.

- Идиот, но в этом ты виновата. Духи сменила, что ли? - опаляет своим дыханием мою шею, и не дожидаясь ответа, резюмирует:

- Предыдущие мне нравились больше.

А я поэтому и выбросила дорогой флакончик, подобрав парфюм, от которого в первое время даже голова кружилась. Ядрёный, цветочный, пусть и не из дешёвых, зато полная противоположность моим Версаче. А чего добилась? Вещи, духи, волосы - сколько ни меняй, содержание-то останется прежним. И судя по куда-то спешащему в груди сердцу, в каждой строчке фигурирует только одно имя...

- Макс, - цежу сквозь зубы, когда мой обогреватель возобновляет исследование на ощупь хорошо знакомой ему "территории", и прямо грязной подошвой наступаю на его и без того перемазанный ботинок. - Хватит уже. Мне до вечера душ не светит, а ты меня тут ощупываешь... Ещё неизвестно, на ком твои руки успели побывать!

- Опять за старое! Ладно! - отходит на шаг назад и поднимает ладони вверх, закрепляя тем самым свою капитуляцию. А я опять говорю "привет" рою надоедливых колючих мурашек. Он хоть и потаскун, зато тёплый... - Бери вещи из багажника. Сонь, пса отвяжи, только держи крепко, сейчас с тётей Васей на берег пойдёшь.

Командир. Малышка несколько раз наматывает на руку

красный поводок, а я хватаю из сумки первое, на что падает взгляд. Отлично, дальше я буду путешествовать в джинсах. Надеюсь, не сварюсь. Погода с утра не радует, но кто знает, что будет в обед?

Через три минуты мы с племянницей и странно присмиревшим псом оказываемся на твёрдой земле. Такой же грязной, как та, что присохла к шортам, но в этот раз я от помощи бывшего мужа не отказываюсь. Урок усвоила, а потому, от греха подальше, не дышу, пока он перепрыгивает со мной на руках разбитую колею. Ставит на ноги и возвращается за Сонькой, а совсем скоро ещё и внедорожник свой у кустов паркует.

- Ну, куда пойдём? Предлагаю туда, - он тычет пальцем в сторону густой растительности метрах в пяти от нас, и придерживает дверь для дочки, неуклюже пробирающейся в салон машины. А стоит собаке, чьи лапы ничуть не чище нашей обуви, вознамериться прыгнуть за ней, тут же хлопает дверцей.

- Я как-нибудь без провожатых. А ты лучше псу лапы помой, - стираю с его лица улыбку и пихаю ему собачье полотенце. - Вытри только, а то пока до машины добежит, вновь перемажется.

- Почему я?

- Потому ты у нас чистоплюй. Так что за дело! - салютую ему, даже не оборачиваясь, и, прижав к груди чистую стопку одежды, забираюсь в зелёные заросли.

Дай бог, чтобы никто не додумался здесь прогуляться. Я девочка взрослая и далеко не скромница, но кому попало демонстрировать чёрное хлопковое бельё не готова. И уж тем более Максиму. Не после того, как едва не свалилась замертво в его объятьях. В родных объятиях, надо сказать, ведь тело тут же привычно откликнулось... Не пОшло, с истомой внизу живота, и дрожью в кончиках пальцев, а с какой-то звериной тоской, молчаливо обливаясь слезами, по незабытым ласкам. Я лебедь и, потеряв его, готова сигануть вниз, а он мартовский кот, который будет скакать по крышам, зазывая соседских британок.

С трудом влезаю ногой в узкую штанину, опиревшись на сухую тощую берёзу, и отчаянно прислушиваюсь к окружающим звукам: речники вовсю матерятся на неопытного водителя, севшего в кашу и теперь отчаянно буксующего колёсами, кто-то уже врубил магнитолу и собирается отчаливать, а кто-то... Хрустит ветками, и с каждым мгновением этот хруст нарастает!

- Твою мать! - хватаюсь за сердце, прикрытое плотной чашечкой скучного по Некрасовским меркам лифчика, и от неожиданности роняю на землю белоснежную футболку. - Кто же так подкрадывается?

Я чуть инфаркт не схватила! А Максиму хоть бы что: глаза блестят, лицо серьёзное, и дышит так тяжело... Не из-за моего же хлопка и на половину спущенных штанов? Отмерев, натягиваю джинсы, ругая про себя этого остолопа, и пулей влезаю в футболку, не желая искать ответ, в чём же кроется причина его странного поведения. А то, упаси боже, целоваться полезет, и плакала моя оборона.

- Вась, - когда я спешно засовываю ногу в благоразумно прихваченные с собой кеды, к бывшему мужу, наконец, возвращается дар речи. Голову поднимаю и так и выпрямляюсь, позабыв о шнурках, теперь не на шутку испуганная его бледностью. Может, он пса моего утопил? Не зря же полотенце абсолютно сухое свисает с плеча.

- Что? - шепчу непослушными губами, а он только и делает, что громко дышит...

- Вот, - отдаёт свой смартфон, с горящим уведомлением о неоткрытом входящем письме и

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.